

Самсон Гелхвидзе

АНАРХИЯ — МАТЬ ПОРЯДКА

18+

роман

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

**АНАРХИЯ - МАТЬ
ПОРЯДКА - (роман)**

«Автор»

2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

**АНАРХИЯ - МАТЬ ПОРЯДКА - (роман) / С. ГЕЛХВИДЗЕ —
«Автор», 2026**

Роман Самсона Гелхвидзе «АНАРХИЯ — МАТЬ ПОРЯДКА» — масштабное историко-философское произведение о Несторе Махно, махновском движении и трагической эпохе Гражданской войны. В центре повествования — не только судьба легендарного Батки, но и драматическое столкновение человеческой мечты о свободе с суровой действительностью революции. Автор показывает Махно противоречивым человеком: убеждённым борцом против угнетения, талантливым военным руководителем, человеком сильной воли, но одновременно личностью, не свободной от ошибок, амбиций и внутренних противоречий. Особая ценность романа — в соединении исторической панорамы с человеческими судьбами. Вымышленные герои органично дополняют историческое повествование, помогая раскрыть повседневную жизнь эпохи и показать её через переживания. Главная философская сила произведения заключена в вопросе, который проходит через весь роман: можно ли построить свободное общество, не превратив борьбу за свободу в новую форму власти?

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026

© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

АНАРХИЯ - МАТЬ ПОРЯДКА - (роман)

АНАРХИЯ — МАТЬ ПОРЯДКА

Исторический роман

Самсон Гелхвидзе

ПРОЛОГ

Человек, который хотел изменить мир

Париж. 1934 год.

За окном шёл дождь. Он был мелким, настойчивым и каким-то равнодушным, словно город не замечал, что в одной из его комнат медленно угасает человек, чьё имя когда-то проносили с восхищением, ненавистью и страхом.

Нестор Иванович Махно лежал неподвижно. Болезнь отнимала у него силы, но не могла лишить памяти. А память, как это нередко случается с людьми, прошедшими через войны и революции, была куда беспощаднее любой болезни.

Перед ним проходили лица. Одни возникали отчётливо, другие растворялись в тумане прожитых лет. Он вспоминал Гуляйполе, пыльные дороги, крестьянские двory, молодые лица товарищей, тревожные ночи, бешеный галоп коней и грохот тачанок. Вспоминал людей, которые шли за ним, верили ему, спорили с ним, а иногда проклинали его.

Когда-то ему казалось, что достаточно уничтожить старую власть, чтобы люди наконец получили возможность жить по собственной воле. Он верил, что крестьянин должен распоряжаться землёй, рабочий — своим трудом, а человек — собственной судьбой. Он не хотел, чтобы над народом стояли новые хозяева, независимо от того, под какими знамёнами они выступали.

Но история оказалась значительно сложнее лозунгов.

Старый порядок рушился, а на его месте возникали новые армии, новые правительства, новые приказы и новые расправы. Вчерашние союзники становились противниками, вчерашние противники заключали союзы, а вчерашние друзья порой исчезали так бесследно, будто их никогда не существовало.

Махно слишком хорошо знал цену этим переменам.

Он вспомнил одну из дорог, по которой когда-то мчались его всадники. Ветер бил в лицо, земля уходила из-под копыт, а впереди, казалось, лежала бесконечная страна, в которой ещё можно было построить жизнь без господ и угнетателей.

Тогда он был молод. Тогда ему казалось, что будущее можно взять в собственные руки.

Теперь будущее принадлежало другим.

Он повернул голову к окну. За стеклом продолжал идти дождь.

— Вот ведь какая штука, — произнёс он едва слышно. — Всю жизнь искал свободу, а закончил там, где меня никто не знает.

Ответа не последовало.

В комнате было тихо.

И всё же история ещё не закончила свой разговор с Нестором Махно. Она оставила ему множество вопросов, на которые не смогли ответить ни победы, ни поражения, ни годы изгнания.

Кто был прав — тот, кто требовал порядка, или тот, кто не желал подчиняться?

Можно ли построить свободное общество, если каждый вооружённый человек считает собственную правду единственно верной?

И почему люди, поднимавшиеся на борьбу против насилия, так часто сами оказывались его участниками?

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, нужно было вернуться туда, откуда всё началось.

В маленькое украинское Гуляйполе.

В бедный крестьянский дом.

К мальчику, которому ещё предстояло узнать, насколько тяжёлой бывает цена свободы.

И звали этого мальчика Нестор.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГУЛЯЙПОЛЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дом, в котором рос будущий Батька

Гуляйполе конца девятнадцатого столетия не было ни большим городом, ни совсем уж неприметным селением. Здесь жили крестьяне, ремесленники, торговцы, работные люди, и каждый день напоминал о том, что жизнь простого человека редко бывает лёгкой. Земля кормила, но требовала тяжёлого труда; скот давал необходимое хозяйству, но нуждался в постоянной заботе; а деньги, заработанные за долгий день, порой исчезали быстрее, чем успевали попасть в семейный кошелёк.

Степь вокруг казалась бескрайней. Летом она дышала жарой и сухой пылью, осенью темнела после дождей, а зимой становилась суровой и почти безлюдной. Ветер гулял по открытым пространствам, срывал солому с крыш, раскачивал деревья и проникал в плохо утеплённые жилища. Казалось, сама природа приучала местных жителей к терпению и выносливости.

Именно здесь, в крестьянской семье, появился на свет Нестор Махно.

Он был одним из пяти сыновей. Семья не принадлежала к состоятельным, и детство мальчика с самого начала было связано с повседневными заботами людей, которым приходилось рассчитывать прежде всего на собственные руки. Отец вскоре умер, оставив жену с детьми. Матери предстояло одной поднимать большую семью, а это означало, что каждый взрослевший сын рано или поздно должен был включаться в общий труд.

В таких домах дети довольно быстро узнавали разницу между желанием и возможностью. Можно было мечтать о новой одежде, но носить приходилось старую. Можно было хотеть учиться, но семейные обстоятельства требовали работать. Можно было рассчитывать на отдых, однако хозяйственные дела не спрашивали, устал ли ты.

Нестор рос среди людей, которые не привыкли жаловаться на судьбу. Они спорили, ссорились, мирились, шутили и продолжали работать. В их разговорах редко звучали отвлечённые рассуждения о справедливости, зато сама жизнь ежедневно напоминала о том, насколько неодинаковыми бывают человеческие возможности.

Для одних земля была источником достатка, для других — бесконечной повинностью. Одни распоряжались чужим трудом, другие продавали собственные силы, чтобы прокормить семью. И хотя мальчик ещё не мог объяснить эту разницу словами, он видел её вокруг себя.

Впоследствии ему предстояло стать человеком, который будет говорить о свободе, равенстве и праве народа самому определять свою судьбу. Но тогда, в детские годы, эти понятия ещё не складывались в какую-либо политическую систему. Они существовали в более простом виде: в обиде за несправедливо обиженного, в нежелании мириться с унижением, в желании самому решать, как поступить.

Нельзя утверждать, что будущий революционер уже в детстве был готовым бунтарём. Подобные объяснения слишком удобны для красивой биографии, но редко соответствуют действительности. Человек не рождается с окончательно сформированными убеждениями. Они складываются постепенно, под воздействием семьи, окружения, обстоятельств и собственного опыта.

Нестор учился в местной школе. Однако образование не стало для него долгой и спокойной дорогой. Семейная нужда заставляла думать о заработке, и мальчику пришлось рано познакомиться с работой, которая требовала не рассуждений, а физической силы и выносливости.

В юности он трудился в хозяйствах и на предприятиях. Позже работал на заводе, где впервые в полной мере столкнулся с миром наёмного труда. Там существовали свои порядки, свои правила и своя иерархия. Рабочий должен был приходить вовремя, выполнять порученное дело и не особенно рассчитывать на то, что его личные обстоятельства кого-нибудь заинтересуют.

Заводская жизнь отличалась от сельской, но не избавляла человека от зависимости. Здесь тоже были хозяева и работники, распоряжения и подчинение, заработок и нужда. Разница заключалась лишь в том, что вместо крестьянского двора перед глазами теперь стояли цеха, станки, дым и люди, чьи руки день за днём производили то, чем распоряжались другие.

Возможно, именно сочетание сельского и рабочего опыта впоследствии помогло Махно понимать настроения разных слоёв населения. Он знал деревню не по рассказам городских политиков и представлял себе положение рабочего не только по прочитанным брошюрам.

Но до этого было ещё далеко.

Пока же он оставался молодым человеком, которому предстояло самому найти ответы на вопросы, возникшие задолго до того, как он научился формулировать их вслух.

В Гуляйполе он видел бедность, тяжёлый труд и неравенство. На заводе увидел, как устроена жизнь наёмного рабочего. А затем на его пути появились люди, которые предлагали не просто возмущаться существующим положением, а бороться за его изменение.

Так постепенно начиналась другая жизнь.

Жизнь, в которой прежних представлений о справедливости уже было недостаточно, а новые убеждения требовали не только слов, но и поступков.

Нестору Махно ещё предстояло пройти через подпольные собрания, аресты, судебный приговор и многолетнее заключение. Ему предстояло узнать цену товариществу, испытать власть убеждений и столкнуться с людьми, которые будут называть его то освободителем, то опасным мятежником.

Но пока над Гуляйполем вставало обычное утро, и никто из его жителей не мог знать, что судьба одного из местных мальчиков однажды окажется вписанной в историю целой страны.

А сама история уже приближалась к нему.

Она шла не с громом пушек и не под звуки военных маршей. Сначала она приходила в разговорах рабочих, в недовольстве крестьян, в спорах о земле и заработке, в маленьких человеческих обидах, которые со временем способны превращаться в большие общественные потрясения. И Нестор всё внимательнее прислушивался к этим разговорам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первые бунтари

Революция не всегда приходит в город под звуки выстрелов. Иногда она начинается с недовольного разговора у заводских ворот, с требования заплатить за лишний час работы, с отказа терпеть унижение, которое ещё вчера казалось неизбежным.

В 1905 году Российская империя переживала тяжёлый политический и общественный кризис. В городах проходили забастовки, крестьяне выступали против помещичьего землевладения, рабочие требовали улучшения условий труда, а по всей стране распространялись революционные настроения. События, начавшиеся в крупных промышленных центрах, постепенно проникали в провинцию, меняя привычные представления людей о власти и собственных правах.

Гуляйполе тоже не оставалось в стороне от происходившего.

Здесь, как и в других рабочих и крестьянских поселениях, люди всё чаще обсуждали то, о чём прежде предпочитали говорить вполголоса. Почему одни распоряжаются чужим трудом, а другие всю жизнь остаются зависимыми? Почему человек, который работает от рассвета до темноты, едва может прокормить семью? Почему закон, который должен защищать всех, на практике нередко оказывается гораздо благосклоннее к состоятельному и влиятельному человеку?

Эти вопросы не были новыми. Новым становилось другое: всё больше людей начинали считать, что ответы следует искать не только в терпении и смирении, но и в борьбе.

Нестор Махно был уже достаточно взрослым, чтобы замечать происходившие вокруг перемены. Его собственная жизнь не давала оснований относиться к разговорам о социальной справедливости как к отвлечённой философии. Он знал, что такое нужда, ранний труд и зависимость человека от чужой воли.

Однако одного личного недовольства было недостаточно, чтобы стать революционером. Для этого требовалось познакомиться с идеями, которые объясняли происхождение общественного неравенства и предлагали способы его преодоления.

В Гуляйполе существовали люди, которые уже пытались соединить крестьянское недовольство с революционной теорией. Среди них были сторонники анархизма — учения, отвергавшего государственное принуждение и выступавшего за общественную организацию на основе свободных объединений людей.

Особенно заметную роль в местном революционном кружке сыграл Вольдемар Антони. В 1905–1906 годах вокруг него формировалась группа молодых анархо-коммунистов, получившая известность под названием Крестьянской группы анархистов-коммунистов, или Союза вольных хлеборобов.

Нестор постепенно приблизился к этому кругу.

Его привлекала сама постановка вопроса: почему человек должен всю жизнь подчиняться порядкам, которые не выбирал? Почему власть одного человека над другим считается естественной, если она основана не на уважении и взаимном согласии, а на собственности, деньгах и силе?

Анархистская литература предлагала радикальные ответы. В ней говорилось о свободе личности, равенстве, солидарности и возможности общества без господствующей государственной власти. Для молодого человека, знакомого с тяжёлой жизнью крестьян и рабочих, подобные идеи могли звучать особенно убедительно.

Но революционная деятельность не ограничивалась чтением и разговорами.

Местная группа занималась распространением нелегальной литературы и прокламаций, участвовала в экспроприациях, а её деятельность постепенно приобретала всё более опасный характер. Под словом «экспроприация» революционеры понимали принудительное изъятие денег и имущества, которое оправдывали политическими целями. Однако для людей, становившихся жертвами подобных действий, это означало вполне конкретную угрозу, а иногда и гибель.

В этом уже проявлялось одно из противоречий, которое впоследствии станет центральным для всего нашего повествования.

Можно ли бороться за освобождение человека, отнимая у другого его имущество силой? Можно ли провозглашать свободу, одновременно лишая другого права на безопасность? И где проходит граница между революционным сопротивлением и преступлением?

Махно оказался внутри движения, в котором эти вопросы не всегда получали однозначные ответы.

В конце 1906 года он был впервые арестован, однако вскоре освобождён. В дальнейшем последовали новые задержания и обвинения, связанные с деятельностью местной анархист-

ской группы. Некоторые обстоятельства этих дел остаются предметом исторических споров, поэтому мы не станем превращать каждое обвинение в установленный факт.

Время между тем не оставляло молодым революционерам возможности для спокойного размышления. Полиция усиливала наблюдение, нелегальные собрания становились опаснее, а участники движения всё чаще должны были выбирать между отступлением и дальнейшей борьбой.

Вокруг Махно складывался круг людей, для которых революция была уже не газетной новостью и не красивым словом. Она становилась повседневной реальностью, требовавшей решений, смелости и готовности отвечать за последствия.

Именно тогда в его жизни всё отчётливее обозначилась черта, которая впоследствии будет заметна и в годы гражданской войны: стремление не оставаться в стороне от событий, а участвовать в них самому.

Но юношеская решительность ещё не означала зрелости политического мышления. Молодому человеку предстояло узнать, насколько различаются убеждения, за которые легко бороться в теории, и поступки, за которые приходится отвечать перед живыми людьми.

Впереди были новые аресты, следствие и суд.

А пока Гуляйполе продолжало жить своей обычной жизнью. На улицах торговали, крестьяне возвращались с полей, рабочие шли на заводы, матери ждали сыновей, а в домах обсуждали цены, заработки и новости из далёких городов.

Только прежнее спокойствие уже не казалось таким надёжным.

В воздухе появилось ожидание перемен. Одни надеялись, что революция принесёт справедливость, другие боялись потерять последнее, третьи мечтали воспользоваться смутой ради собственной выгоды.

Нестор Махно сделал свой выбор.

Он вступил на дорогу, которая постепенно отдаляла его от обычной крестьянской жизни и вела к столкновению с властью. Ему ещё предстояло понять, что революция не бывает только идеей. Она всегда состоит из человеческих поступков, а каждый поступок оставляет последствия.

И порой эти последствия оказываются гораздо тяжелее тех надежд, с которыми человек начинал свой путь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Круг сужается

В революционном движении существовало немало людей, которые были убеждены, что действуют ради будущего, в котором не будет угнетения, несправедливости и унижения человеческого достоинства. Однако дорога к этому будущему нередко начиналась с поступков, последствия которых оказывались страшнее первоначальных намерений.

Для гуляйпольских анархистов наступало время, когда подпольная деятельность становилась всё более опасной. Полицейское наблюдение усиливалось, сведения о нелегальных собраниях доходили до властей, а участники революционных групп всё чаще обнаруживали, что за ними следят.

Нестор Махно уже не был случайным посетителем собраний. Он принадлежал к кругу людей, которые связывали свои надежды с анархистским движением и считали допустимым вооружённое сопротивление существующему порядку. Вместе с товарищами он участвовал в деятельности группы, занимавшейся распространением революционных идей и экспроприациями.

Но подполье имело собственные законы. Здесь доверие становилось вопросом жизни и смерти, неосторожное слово могло привести к аресту, а подозрение в предательстве порой разрушало отношения быстрее, чем открытая вражда.

В августе 1908 года Махно был арестован. Вместе с ним под следствие попали другие участники гуляйпольской группы. Его доставили в Александровск, где начался долгий период тюремного заключения и судебного разбирательства.

Для молодого человека, привыкшего к движению, работе и общению с товарищами, тюремная камера стала совершенно иным миром. Здесь время измерялось не расстоянием между деревней и заводом, не продолжительностью рабочего дня и не сменой времён года. Оно измерялось ожиданием.

Ожиданием допроса, новых известий, решения следователя, судебного заседания. Иногда самым тяжёлым оказывалось даже не само заключение, а невозможность понять, что происходит за пределами тюремных стен и что ждёт людей, оставшихся на свободе.

Махно знал, что обвинения против участников группы были серьёзными. В материалах следствия фигурировали вооружённые нападения, убийства и экспроприации. Власти рассматривали деятельность анархистов не как обычное политическое несогласие, а как угрозу общественной безопасности.

Сам Нестор позднее вспоминал эти события уже с позиции человека, которому удалось пережить и тюрьму, и революцию, и гражданскую войну. Но тогда он ещё не знал, насколько долгим окажется его заключение и какую роль оно сыграет в формировании его взглядов.

В тюрьме особенно остро ощущалась разница между теми, кто обладал властью, и теми, кто находился в её распоряжении. Надзиратель мог открыть дверь камеры или оставить заключённого в одиночестве. Чиновник мог отложить рассмотрение дела. Судья мог вынести решение, от которого зависела вся дальнейшая жизнь человека.

Для будущего противника государственной власти это было тяжёлым испытанием. Однако мы не станем утверждать, будто именно в тюремной камере родились все его убеждения. Махно пришёл туда уже участником анархистского движения. Заключение стало следующим этапом его становления, а не началом политической биографии.

Судебное разбирательство состоялось в Екатеринославе в марте 1910 года. Дело рассматривал военный суд. Махно и другие подсудимые оказались перед обвинениями, за которыми стояли не только конкретные эпизоды вооружённой деятельности, но и общая атмосфера страха перед революционным подпольем.

Приговор оказался суровым. Нестора Махно приговорили к смертной казни через повешение.

Для человека, которому едва исполнился двадцать один год, эти слова означали конец всех планов, надежд и ожиданий. Ещё недавно перед ним лежала жизнь, в которой можно было спорить, работать, бороться, любить, ошибаться и начинать заново. Теперь всё могло закончиться на виселице.

О том, что происходило в его душе в те дни, мы можем судить лишь приблизительно. Достоверного дневника, позволяющего восстановить каждую мысль осуждённого, у нас нет. Но сама ситуация не нуждается в искусственном драматизме. Молодой человек, ожидающий исполнения смертного приговора, неизбежно оказывается перед вопросами, от которых прежде мог уклоняться.

Правильно ли он поступил? Не напрасно ли подверг опасности себя и других? Существовал ли иной путь? И что остаётся от убеждений, когда за них приходится платить собственной жизнью?

Особое место в этой истории заняла его мать. Евдокия Матвеевна не могла смириться с мыслью, что сына казнят. Она добивалась пересмотра его участи, обращалась с просьбами и искала любую возможность спасти его.

Материнская настойчивость стала одним из обстоятельств, сыгравших роль в смягчении приговора. С учётом возраста Махно смертная казнь была заменена пожизненной каторгой.

Вместо виселицы его ожидала Бутырская тюрьма в Москве.

Это было спасение, но едва ли его можно было назвать возвращением к жизни. Молодой человек, ещё недавно мечтавший о свободе, должен был провести долгие годы за решёткой.

Позади оставались Гуляйполе, знакомые улицы, товарищи, мать и прежняя жизнь. Впереди была Москва, которую он увидит не глазами свободного приезжего, а глазами каторжника.

И всё же в этой истории было нечто, чего не могли предусмотреть ни следователи, ни судьи.

Они отправляли в тюрьму молодого участника революционного движения. Но из тюрьмы однажды выйдет человек, чьё имя станет известно далеко за пределами родного края.

В Бутырках ему предстояло познакомиться с людьми, которые повлияют на его мировоззрение, прочитать книги, до которых прежде не доходили руки, и провести долгие годы в размышлениях о свободе, власти и человеческой природе.

Однако прежде ему предстояло пережить саму каторгу. И, пожалуй, именно здесь началась самая тяжёлая школа его жизни.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Бутырки. За стенами свободы

Москва встретила Нестора Махно совсем не так, как встречает большой город человека, приехавшего искать работу, учиться или начинать новую жизнь. Для него она стала местом заключения, куда привозили людей, чьи поступки государство считало опасными для существующего порядка.

Бутырская тюрьма имела дурную славу. Её стены помнили немало политических заключённых, революционеров, участников подпольных организаций и людей, чьи судьбы оказались перемолоты судебными решениями. Здесь действовали строгие правила, а жизнь заключённых подчинялась распорядку, который не оставлял почти никакого пространства для самостоятельности.

Когда Нестор впервые оказался за её стенами, ему было ещё очень мало лет для того, чтобы смириться с мыслью о долгом заключении. Он не привык к неподвижности, к однообразию дней и к необходимости ждать разрешения на каждый шаг. Воля, которая прежде помогала ему переносить трудности, теперь оборачивалась против него: тюремная дисциплина требовала подчинения, а он не умел принимать его без внутреннего сопротивления.

Заключение растянулось на годы.

Сначала Махно воспринимал тюремную жизнь как непрерывную борьбу с обстоятельствами. Он спорил с надзирателями, нарушал установленные правила, вступал в конфликты с администрацией. За неповиновение его наказывали, в том числе помещали в карцер и заключали в кандалы. Подобное поведение не облегчало его положения, но и не делало его человеком, готовым покорно принять навязанный порядок.

Впоследствии он будет вспоминать Бутырки как тяжёлую школу, в которой получил образование, недоступное ему в юности. Но в те первые месяцы перед ним стояла другая задача — научиться жить в пространстве, где почти всё зависело от чужой воли.

Тюрьма меняла людей по-разному. Одни замыкались в себе, стараясь не привлекать внимания. Другие искали спасение в религии, третьи погружались в воспоминания. Политические заключённые нередко продолжали споры, начатые на свободе, только теперь их собеседниками становились люди, представлявшие самые разные революционные направления.

В Бутырках Махно познакомился с Петром Андреевичем Аршиновым.

Аршинов был старше Нестора, имел опыт революционной деятельности и к тому времени уже прошёл через собственные испытания. Он происходил из рабочей среды, занимался подпольной пропагандой, участвовал в революционном движении и был приговорён к каторжным работам. В отличие от молодого Махно, который обладал прежде всего практическим опытом борьбы, Аршинов имел более основательную подготовку в вопросах политической теории.

Их знакомство стало одним из важнейших событий тюремного периода Махно.

Можно представить, как постепенно менялись их разговоры. Сначала они, вероятно, обменивались сведениями о знакомых, обсуждали условия заключения, вспоминали товарищей и события, оставшиеся за пределами тюрьмы. Затем разговоры всё чаще переходили к вопросам, которые не теряли значения даже в камере: что такое революция, кому она принадлежит, ради чего человек должен рисковать жизнью и почему борьба за освобождение так часто приводит к новым формам подчинения.

Аршинов был человеком, способным не только говорить об идеях, но и объяснять их происхождение. Он помогал Махно знакомиться с анархистской литературой, обращал его внимание на труды Михаила Бакунина и Петра Кропоткина. Постепенно политические убеждения молодого заключённого приобретали более систематический характер.

Особенно важным для него стало знакомство с книгой Кропоткина «Взаимная помощь как фактор эволюции». В ней развивалась мысль о значении сотрудничества и взаимной поддержки в жизни общества и природы. Для Махно, выросшего среди крестьянского труда и знавшего цену коллективной взаимовыручке, подобные идеи могли иметь не только теоретический, но и личный смысл.

Он всё чаще задумывался о том, каким могло бы быть общество, если бы люди объединялись не под принуждением, а по собственной воле. Если бы труд и ответственность распределялись на основе взаимного соглашения, а не распоряжений сверху. Если бы общественная жизнь строилась на свободных объединениях, способных самостоятельно решать собственные вопросы.

Но тюремная действительность постоянно возвращала его к другой стороне проблемы.

Ведь и здесь существовало общество со своими правилами, обязанностями и распределением ролей. Только человек не мог выбирать, к какому сообществу принадлежать, не мог свободно покинуть его и почти не имел возможности оспорить решения тех, кто обладал властью.

Так возникало противоречие, которое Махно предстояло носить в себе всю жизнь: как организовать совместную жизнь людей, не создавая над ними новой системы господства?

Вместе с Аршиновым он обсуждал не только анархизм, но и историю революционных движений, социальные отношения, экономику, литературу. Читал книги из тюремной библиотеки, занимался русской грамматикой, математикой и историей. Его образование, начатое в тяжёлых условиях, постепенно становилось более широким и последовательным.

Нельзя сказать, что Махно превратился в кабинетного мыслителя. Напротив, его характер по-прежнему тяготел к практическому действию. Он не стремился стать человеком, который будет всю жизнь спорить о справедливом обществе, не пытаясь приблизить его создание. Но теперь за его прежней решительностью постепенно появлялось более основательное понимание политических идей.

Аршинов, судя по всему, сыграл в этом процессе значительную роль. Их дружба не ограничивалась обменом книгами и разговорами. Она продолжилась и после освобождения, а позднее Аршинов стал одним из важнейших историков махновского движения.

Однако годы заключения не были для Нестора временем спокойного интеллектуального развития.

Тяжёлые условия содержания, наказания и длительное пребывание в заключении подорвали его здоровье. Он переносил болезни, страдал от последствий тюремного режима, а позднее у него развился туберкулёз, который будет сопровождать его до конца жизни.

Иногда ему приходилось находиться в одиночестве, отрезанным от привычного общения. В такие периоды особенно остро ощущалась цена каждого человеческого контакта. Разговор, случайная встреча, возможность обменяться книгой или услышать новость с воли приобретали значение, которое свободный человек не всегда способен оценить.

Можно представить, как однажды вечером, после очередного конфликта с тюремной администрацией, Нестор и Аршинов снова заговорили о свободе. В нашем художественном представлении разговор мог бы выглядеть так.

— Ты всё ещё думаешь, что свободу можно отнять у человека только заперев его в камере? — спросил Аршинов.

Махно некоторое время молчал.

— А разве этого недостаточно? Попробуй прожить здесь хотя бы месяц и объяснить мне, что ты свободен.

— Я говорю не о свободе передвижения. Я говорю о свободе мысли.

— Мысль-то у меня пока никто не отнял. Но если я не могу выйти за дверь, не могу увидеть мать, не могу сделать того, что считаю необходимым, то какая же это свобода?

— Значит, нужно бороться за такое общество, в котором человеку не придётся просить разрешения быть человеком.

Махно усмехнулся.

— Хорошо сказано. Только кто же нам такое общество построит?

— Никто не построит его за нас. Люди должны научиться жить в нём сами.

Нестор посмотрел на товарища.

— Вот это уже труднее, чем свергнуть царя.

Аршинов улыбнулся.

— Возможно, именно поэтому после каждой революции появляются новые хозяева.

Эти слова, разумеется, являются нашей художественной реконструкцией, а не документально зафиксированным разговором. Но они выражают тот философский конфликт, который позднее станет одним из центральных в судьбе Махно.

Время шло. За стенами Бутырской тюрьмы менялась страна. Революционные организации продолжали действовать, власть сталкивалась с новыми трудностями, а Первая мировая война принесла миллионам людей страдания, голод и смерть.

До заключённых доходили новости, но далеко не всегда они могли понять весь масштаб происходящего. Война меняла привычные представления о государстве и обществе, а революционные настроения постепенно охватывали всё новые слои населения.

Нестор внимательно следил за этими известиями.

Он уже не был тем молодым человеком, который когда-то пришёл в революционную группу, руководствуясь прежде всего чувством протеста. Теперь за его убеждениями стояли годы чтения, споров, личных испытаний и наблюдений за человеческими характерами.

Но главное испытание ещё ожидало его.

В феврале 1917 года в России началась революция. Старая монархическая власть рухнула, а политические заключённые получили возможность выйти на свободу.

Весть об освобождении дошла и до Бутырок.

После долгих лет за решёткой двери тюрьмы наконец открывались перед человеком, который уже почти привык к их тяжёлому скрипу.

Нестор Махно покидал Бутырки не тем юношей, каким вошёл туда много лет назад. Он был физически ослаблен, но политически значительно более подготовлен. В его памяти остались годы заключения, товарищи, книги, конфликты и размышления о будущем.

Впереди его ждало Гуляйполе.

Он ещё не знал, что совсем скоро окажется в центре событий, которые изменят не только его собственную жизнь, но и судьбу миллионов людей.

Тюрьма закончилась, но история только начиналась.

Глава пятая. Возвращение домой

Весна 1917 года пришла в Россию не столько с теплом, сколько с тревогой. Снег ещё не везде успел сойти, дороги раскисли, реки набухли от талой воды, а в городах уже рушилось то,

что совсем недавно казалось незыблемым. Империя, пережившая войны, восстания и революционные потрясения, вдруг обнаружила, что её огромная государственная машина больше не повинуетя собственным приказам.

Февральская революция изменила судьбу миллионов людей. В Петрограде пала монархия, Николай II отрёкся от престола, а власть перешла к Временному правительству. Политические заключённые выходили из тюрем, ссыльные возвращались домой, старые запреты теряли силу. На улицах звучали слова, которые ещё недавно могли стоить человеку свободы или жизни: республика, равенство, народная власть, свобода собраний.

Для Нестора Махно эта революция началась с открытия тюремных ворот.

Второго марта 1917 года он вышел на свободу. За его плечами оставались годы арестов, суда, каторги и Бутырской тюрьмы. Он покидал её не тем юношей, каким когда-то вошёл за каменные стены. За время заключения он много читал, спорил, учился и постепенно выстраивал собственное представление о мире. Но никакие книги не могли заменить ему настоящей жизни. Теперь перед ним открывалась возможность проверить свои убеждения не в тюремной камере и не в споре с товарищами, а среди людей, которым предстояло жить с последствиями революции.

Некоторое время Махно провёл в Москве. Он встречался с анархистами, знакомился с новыми настроениями, обсуждал положение в стране. Москва кипела политическими разговорами. На улицах можно было встретить вчерашних заключённых, солдат, вернувшихся с фронта, рабочих, студентов, людей, которые ещё недавно не смели открыто говорить о своих убеждениях. Одни приветствовали революцию как начало новой эпохи, другие уже сомневались, что смена правительства сама по себе изменит жизнь простого народа.

Махно внимательно присматривался к происходящему. Он видел, что старые учреждения рушатся быстрее, чем возникают новые. Власть, казавшаяся вечной, исчезла, но вместе с ней не исчезли голод, бедность, земельный вопрос и привычка одних людей распоряжаться судьбами других.

Он хотел домой.

Ему было важно вернуться туда, где начиналась его собственная история, где жили его мать, братья, знакомые и те люди, с которыми когда-то он разделял первые революционные надежды. Москва могла предложить ему новые знакомства и политические возможности, но Гуляйполе было для него не просто точкой на карте. Это была земля, на которой он знал почти каждую дорогу, каждую улицу, каждый поворот судьбы.

В конце марта он отправился на юг. Дорога была долгой и беспокойной. Железнодорожные станции жили своей особой жизнью: эшелоны двигались с опозданиями, вагоны были переполнены, солдаты спорили о политике, пассажиры обменивались слухами. Никто уже не знал, кому следует подчиняться и чьи распоряжения завтра будут считаться законными.

В одном из вагонов ехали несколько солдат, возвращавшихся с фронта. Их шинели были потёрты, сапоги покрыты дорожной грязью, а лица выражали усталость людей, которые слишком долго жили среди опасности. Один из них, пожилой артиллерист с седыми усами, громко рассказывал соседям, как его батарея однажды потеряла лошадь, а вместе с ней и половину продовольственного запаса.

— Командир спрашивает: где лошадь? А я ему отвечаю: товарищ поручик, если бы я знал, где она, я бы уже давно сидел на ней верхом и домой ехал. А он мне: ты, мол, отвечать должен! Ну, я и ответил: так я же отвечаю, что не знаю!

Солдаты засмеялись. Смех был негромким, но искренним. В нём чувствовалось облегчение людей, которым наконец разрешили смеяться над тем, что ещё недавно казалось неизбежной частью их жизни.

Махно слушал молча. Он знал, что за солдатскими шутками скрывается не только усталость, но и глубокое недоверие к прежнему порядку. Армия, которая ещё вчера считалась опорой государства, теперь сама не понимала, ради чего должна продолжать воевать.

К концу марта поезд приблизился к родным местам. Махно смотрел в окно на степь, ещё не покрывшуюся густой зеленью. Земля казалась серой, местами чёрной от влаги, но уже чувствовалось приближение весны. Редкие деревья тянули к небу голые ветви, на полях темнели остатки прошлогодней стерни, а вдали медленно поднимался дым из крестьянских хат.

Он возвращался туда, откуда когда-то ушёл мальчишкой, а теперь приехал человеком, прошедшим через тюрьму и каторгу.

Двадцать четвёртого марта 1917 года Махно прибыл в Гуляйполе.

Весть о его возвращении быстро разошлась по местечку. Для многих он был не просто бывшим заключённым. Он стал человеком, который пережил годы каторги и вернулся после революции, когда прежние власти уже не могли ему ничего приказывать. Встречали его знакомые, крестьяне, бывшие товарищи по революционному движению. Одни хотели расспросить о Москве, другие — о тюрьме, третьи просто желали увидеть того, о ком столько лет говорили шёпотом.

В этой встрече не было ничего похожего на торжественный приём государственного деятеля. Не играли оркестры, не стояли почётные караулы. Люди пришли потому, что знали его, помнили его семью и считали возвращение человека из каторги событием, которое касалось всего местечка.

Самым важным для Махно было увидеть мать.

Она постарела. Годы тревоги не прошли бесследно, и радость встречи не могла вернуть ей прежние силы. Но перед ней снова стоял сын, которого она когда-то проводила из дома и которого долгое время могла считать потерянным навсегда.

В этой встрече было больше, чем могли выразить слова. За плечами матери оставались годы ожидания, страх перед неизвестностью, надежды, которые то возникали, то угасали. Теперь Нестор был рядом. Он мог войти в родной дом, сесть за стол, услышать знакомые голоса и почувствовать запах простого домашнего хлеба.

Он вернулся не победителем и не человеком, получившим окончательные ответы на вопросы, мучившие его в юности. Он вернулся с убеждениями, которые предстояло проверить самой жизнью.

Гуляйполе встретило его не только родными лицами, но и совершенно новой политической обстановкой.

Местечко, как и вся страна, оказалось между старым порядком и неизвестным будущим. Помещичьи владения продолжали существовать, крестьяне требовали земли, рабочие — достойной оплаты и права участвовать в управлении предприятиями. Временное правительство провозглашало свободы, но не спешило решать вопрос о земле. Старые чиновники ещё пытались сохранять влияние, хотя их распоряжения всё чаще встречали открытое сопротивление.

Власть словно растворилась в воздухе, но её место уже стремились занять новые люди.

В местечке действовал общественный комитет, связанный с органами Временного правительства. Существовали различные политические группы, среди которых были социалисты-революционеры, социал-демократы и анархисты. Каждая предлагала собственный путь преобразования общества. Одни надеялись на Учредительное собрание, другие призывали к немедленной передаче земли крестьянам, третьи считали, что сама государственная власть должна быть уничтожена.

Махно вернулся с твёрдым намерением не ограничиваться разговорами.

Он понимал, что революция не станет настоящим переворотом в жизни крестьян, если люди останутся лишь зрителями политической борьбы. Можно сколько угодно произносить

речи о свободе, но крестьянину всё равно придётся весной выходить в поле, кормить семью и платить за аренду земли. Его интересовало не только то, кто будет заседать в новом учреждении, но и то, изменится ли положение человека, который всю жизнь работал на чужой земле.

Первые встречи с бывшими товарищами по революционной группе оказались непростыми. За годы его отсутствия многие из них продолжали жить обычной жизнью, кто-то отошёл от политики, кто-то утратил прежнюю решимость. Они не сразу поняли, насколько изменился их товарищ и насколько решительно он намерен действовать.

Одни считали, что прежде всего необходимо распространять анархистские идеи, проводить собрания и убеждать людей. Махно полагал, что этого недостаточно. Он хотел создать организацию, которая могла бы объединить крестьян и рабочих, стать реальной силой в местной жизни.

Для него главным вопросом было не то, насколько красиво звучит революционный лозунг, а то, кто и как будет принимать решения.

Вскоре вокруг этой идеи началась практическая работа. В конце марта 1917 года в Гуляй-поле был создан Крестьянский союз, председателем которого избрали Махно. Организация должна была объединить сельских жителей, защищать их интересы и дать им возможность влиять на решение земельных и общественных вопросов. Постепенно возникали профессиональные объединения рабочих и ремесленников, формировались новые органы местного самоуправления.

Махно всё чаще оказывался в центре происходящего.

Он посещал собрания, встречался с крестьянами, обсуждал положение рабочих, участвовал в заседаниях общественных организаций. Ему приходилось заниматься не только большими политическими вопросами, но и самыми обыкновенными делами: жалобами, спорами, распределением обязанностей, продовольствием, землёй и отношениями между местными учреждениями.

Революция, как выяснилось, состояла не только из громких выступлений. Она состояла из бесконечного множества мелких решений, каждое из которых могло вызвать недовольство одной стороны и надежду другой.

Именно здесь начиналось настоящее испытание его убеждений.

Однажды на собрании крестьяне долго спорили о земле. Одни требовали немедленно разделить помещичьи угодья, другие опасались, что поспешное решение приведёт к столкновениям. Кто-то напоминал о посевной, кто-то говорил, что ждать больше невозможно. В зале стоял гул голосов, и председательствующему приходилось несколько раз призывать присутствующих к порядку.

Среди выступавших был пожилой крестьянин, много лет работавший на чужом поле. Он говорил медленно, подбирая слова, словно каждое из них давалось ему с трудом.

— Мы не за то, чтобы у соседа последнее отнять. Мы за то, чтобы самим не ходить всю жизнь с протянутой рукой. Земля кормит всех, а распоряжаются ею немногие. Сколько ещё ждать, пока нам объяснят, что мы имеем право работать на своей земле?

Его слова вызвали одобрительный шум.

Махно слушал внимательно. Он понимал, что перед ним не отвлечённая политическая дискуссия. Люди требовали перемен, потому что их терпение подошло к пределу. И если новая власть снова предложит им ждать, она рискует потерять доверие быстрее, чем прежняя.

Однако и здесь возникал вопрос, который впоследствии станет одним из самых трудных в истории махновского движения: кто имеет право решать, как именно следует делить землю, и что делать с теми, кто не согласен с большинством?

Пока этот вопрос не имел окончательного ответа.

Махно был уверен, что народ должен сам распоряжаться своей жизнью. Но он уже начал понимать, что организация народной воли требует дисциплины, согласованных действий

и ответственности. Люди могут собраться на площади и единодушно потребовать справедливости, но когда наступает время распределять землю, воду, скот и инструменты, единодушие нередко исчезает.

Свобода должна была обрести практическую форму. И именно в этом заключалась её трудность.

В те месяцы Махно ещё не был тем легендарным Батькой, имя которого позднее будут произносить с восхищением, страхом или ненавистью. У него не было армии, знаменитой тачанки, большого штаба и власти над обширными территориями. Он был человеком, вернувшимся из тюрьмы в небольшое южное местечко, где его знали с детства и где теперь открывалась возможность начать всё заново.

Внешне его жизнь могла показаться почти обычной. Он снова работал, участвовал в собраниях, встречался с людьми, занимался организационными вопросами. Впоследствии исследователи отмечали, что в этот период Махно не только выступал как революционер, но и выполнял вполне будничную работу местного общественного деятеля.

Его путь ещё не был предопределён.

Впереди оставались месяцы политической борьбы, новые союзы и конфликты, попытки создать крестьянское самоуправление и столкновения с теми силами, которые стремились установить собственный порядок. Но пока Гуляйполе жило надеждой, что после падения монархии наступит время, когда человек наконец сможет распоряжаться плодами своего труда.

Вечерами на улицах становилось тише. Из открытых окон доносились голоса, где-то спорили о политике, где-то пели старые песни. На окраинах местечка крестьяне готовились к весенним работам, проверяли инвентарь, приводили в порядок упряжь. Жизнь продолжалась, хотя никто уже не мог сказать, какой она станет через несколько месяцев.

Махно часто задерживался после собраний. Ему хотелось разговаривать с людьми не только с трибуны, но и без свидетелей, слышать их сомнения, узнавать, чего они боятся и на что надеются. Он видел, что крестьяне не обязательно разделяют все положения анархистской теории. Многие вообще не интересовались философскими спорами. Им нужна была земля, возможность спокойно работать и уверенность, что завтра к ним не придут очередные хозяева с новыми приказами.

И всё же именно эти люди могли стать основой движения, о котором пока никто не имел ясного представления.

В одну из таких весенних ночей Махно возвращался домой после очередного собрания. Над местечком стояло прохладное звёздное небо. Ветер тянул с полей запах сырой земли. Где-то вдали лаяли собаки, а возле одной из хат ещё долго не гас свет.

Он остановился и посмотрел на дорогу, ведущую за околицу.

Когда-то эта дорога вела его из родного края. Теперь она снова лежала перед ним, но уже не казалась дорогой бегства. Он вернулся, чтобы участвовать в жизни людей, среди которых вырос. И хотя впереди его ожидали события, о масштабе которых он ещё не мог догадываться, одно становилось очевидным: прежняя жизнь не вернётся.

Революция открыла перед ним дверь, но не дала готового ответа на вопрос, что делать дальше.

Махно верил, что человек не должен быть рабом другого человека. Он верил, что народ способен самостоятельно устраивать свою жизнь. Но теперь ему предстояло доказать, что эти убеждения могут существовать не только на страницах книг и в пламенных речах.

Гуляйполе становилось для него первой настоящей политической ареной.

И здесь, среди крестьянских дворов, рабочих мастерских, пыльных дорог и бесконечных разговоров о земле, начиналась история человека, которому вскоре предстояло столкнуться с куда более сильными противниками, чем тюремные надзиратели.

Пока же над южной степью поднималась весна 1917 года. Она обещала свободу, но ещё не знала, какой ценой людям придётся за неё заплатить.

Глава шестая. Земля не любит ожидания

К началу лета 1917 года Гуляйполе уже не походило на то местечко, в которое Нестор Махно вернулся после освобождения из Бутырской тюрьмы. Революция проникла в повседневную жизнь. Она звучала на базарной площади, в мастерских, на заводских дворах и в крестьянских хатах. Её обсуждали за обедом, по дороге на работу, у колодцев и даже во время коротких встреч соседей, которые прежде предпочитали не говорить о политике.

Слова изменились быстрее, чем сама жизнь.

Ещё недавно крестьянин снимал землю у помещика и старался не спорить с управляющим. Теперь он мог открыто заявить, что не намерен платить прежнюю арендную плату. Рабочий, привыкший получать назначенную хозяином заработную плату, требовал повышения и права участвовать в решении вопросов предприятия. Люди, которые всю жизнь исполняли чужие распоряжения, неожиданно обнаружили, что могут собраться вместе и потребовать объяснений.

Но свобода не означала, что все сразу научились договариваться.

В этом Махно убеждался почти ежедневно.

Его Крестьянский союз рос. На собрания приходили не только жители Гуляйполя, но и представители окрестных селений. Одни просили защитить их от произвола землевладельцев, другие требовали пересмотра арендных договоров, третьи хотели знать, когда наконец будет решён вопрос о земле. Нередко люди приходили с конкретными жалобами, а уходили, получив вместо готового решения приглашение участвовать в общем обсуждении.

Такой порядок нравился далеко не всем.

Некоторые крестьяне полагали, что после революции достаточно сменить начальников и выбрать новых людей, которые будут отдавать распоряжения уже от имени народа. Махно смотрел на это иначе. Он опасался, что новая власть очень скоро станет похожа на старую, если люди вновь передадут кому-то право решать за них всё, от земельного вопроса до порядка на улицах.

Он хотел, чтобы крестьяне сами участвовали в управлении.

Однако между желанием и действительностью лежала огромная дистанция. Одни умели говорить убедительно, другие стеснялись выступать. Кто-то обладал знаниями и опытом, а кто-то впервые в жизни оказался на собрании, где его мнение действительно имело значение. И далеко не каждый был готов тратить время на общественные дела, когда дома ждали поле, скот и семья.

Махно приходилось не только убеждать людей, но и учиться самому. Тюремная школа политических споров дала ему немало, однако она не могла подготовить к тому, что происходило теперь. Здесь не было возможности закрыть книгу и отложить решение до следующего дня. За каждым вопросом стояли реальные люди, их имущество, труд и надежды.

Особенно острым становился вопрос о земле.

Землевладельцы не желали добровольно расставаться с прежними правами. Крестьяне, напротив, считали, что после падения монархии больше нет оснований терпеть старую систему землепользования. Вокруг помещичьих владений возникали споры. В одних местах крестьяне отказывались выполнять распоряжения управляющих, в других требовали пересмотра арендных условий, а кое-где уже начинали самостоятельно распоряжаться угодьями.

Вопрос был не только экономическим. Земля означала независимость, достоинство и возможность прокормить детей. Для человека, который десятилетиями работал на чужом поле, разговор о справедливом распределении земли был разговором о всей его жизни.

Именно поэтому Махно всё настойчивее добивался того, чтобы крестьяне не оставались разрозненными. Он видел в их объединении основу будущих преобразований.

В этой обстановке постепенно складывался круг людей, которым предстояло пройти через события гораздо более страшные, чем споры на собраниях.

Андрей Левченко был одним из тех молодых крестьян, кто с особым вниманием прислушивался к новым разговорам. Ему исполнилось двадцать два года. Он вырос в бедной семье, рано узнал цену тяжёлому труду и не питал особого уважения к людям, которые привыкли судить о крестьянине по его одежде и происхождению.

Андрей был крепким, широкоплечим, немного угрюмым молодым человеком. Он не любил длинных речей и редко выступал первым. Зато, если уж принимал решение, изменить его было трудно. Он умел обращаться с лошадьми, знал полевые работы и мог починить почти любую нехитрую сельскую снасть. Его отец, человек осторожный и недоверчивый, считал, что политика редко приносит пользу простому крестьянину.

— Сынок, — говорил он, — ты смотри, чтобы за красивыми словами не пришлось потом расплачиваться собственной шкурой. Начальники меняются, а мужику всё равно землю пахать.

Андрей не спорил. Он понимал отца, но не мог согласиться с его выводом. Если каждый будет только пахать и молчать, рассуждал он, то ничего никогда не изменится.

На собраниях Андрей чаще стоял у стены, внимательно наблюдая за выступавшими. Особенно его интересовало, как Махно разговаривает с людьми. Тот не всегда был мягок, иногда перебивал, мог резко ответить на неосторожное замечание, но, в отличие от некоторых местных ораторов, не пытался скрывать сложность вопросов за красивыми обещаниями.

Андрей ещё не знал, что вскоре ему придётся сделать выбор, который изменит всю его жизнь.

Мария Черненко появилась в этой истории несколько иначе.

Она преподавала детям в местной школе и происходила из семьи, в которой образование считали не роскошью, а необходимостью. Её отец был человеком строгих взглядов, уважавшим порядок и закон. Мария же постепенно приходила к убеждению, что закон не всегда бывает справедливым, а порядок, построенный на страхе, не заслуживает уважения.

Она не принадлежала к анархистам и не собиралась становиться политическим деятелем. Её больше занимали дети, книги, положение женщин и возможность получить образование тем, кто прежде был лишён такой возможности. Но события вокруг неё становились слишком серьёзными, чтобы оставаться в стороне.

Мария не любила грубости, не доверяла людям, которые слишком легко говорили о насилии, и особенно настороженно относилась к тем, кто считал собственную правоту достаточным основанием для распоряжения чужими судьбами.

Однажды она услышала выступление Махно на собрании и после него сказала знакомой:

— Он говорит о свободе так, словно знает её цену. Но мне хотелось бы узнать, понимает ли он, что свобода должна быть и у тех, кто с ним не согласен.

Вопрос был гораздо глубже, чем могло показаться на первый взгляд. Именно он однажды станет одним из главных испытаний для людей, которые назовут себя сторонниками вольной жизни.

Тем временем в Гуляйполе происходили перемены и в рабочей среде.

На предприятиях росло недовольство заработной платой и условиями труда. Рабочие объединялись в профессиональные союзы, обсуждали требования к владельцам и пытались добиться права участвовать в управлении производством. Махно включился в эту работу, поддерживал создание рабочих организаций и вскоре оказался среди руководителей объединения металлистов и деревообделочников.

Летом развернулась борьба за повышение оплаты труда. Рабочие требовали значительного увеличения заработка, а переговоры с предпринимателями сопровождались напряжёнными собраниями и угрозой остановки производства.

Махно участвовал в организации забастовочного движения. Требования рабочих были удовлетворены, и это укрепило его влияние среди местных трудящихся.

Для него этот успех имел особое значение. Он видел, что организованное действие может приносить результаты без того, чтобы люди обязательно прибегали к оружию. Иногда достаточно было согласованного решения, настойчивости и готовности не уступать под давлением.

Но он также понимал, что подобные победы не решают всех противоречий. Предприниматель мог согласиться на повышение заработной платы, однако не обязательно отказывался от прежних представлений о власти и собственности. Рабочий мог получить больше денег, но всё ещё оставался зависимым от хозяина предприятия.

Семен Кравец, молодой мастер по ремонту повозок, наблюдал за происходящим с несколько иной точки зрения.

Он был человеком шумным, весёлым и необычайно изобретательным. Если где-нибудь ломалась телега, Семен мог починить её так, что хозяин ещё долго удивлялся, как она вообще продолжает ездить. Если же возникал спор, он первым предлагал закончить его за кружкой чая, а если спорщики не соглашались, мог придумать такое сравнение, что смеялись даже самые серьёзные участники собрания.

— Революция, братцы, штука хорошая, — говорил он, однажды слушая разговоры о будущем общественном устройстве. — Только я никак не пойму: если начальников больше не будет, кто будет отвечать за то, чтобы телега не развалилась?

— Сам народ, — отвечал кто-то.

— Вот это правильно! Только пусть народ сначала научится колёса смазывать, а то свободы у нас будет много, а ехать не на чем.

Его слова вызывали смех, но за шутками скрывалась вполне серьёзная мысль. Семен, как и многие простые работники, не желал возвращения прежнего порядка, однако опасался, что новые руководители могут оказаться такими же самоуверенными, как старые.

Он не любил, когда кто-нибудь начинал говорить от имени всего народа, не спросив самого народа.

В этом он неожиданно оказывался близок к тем положениям, которые проповедовали анархисты, хотя едва ли смог бы сформулировать их в виде политической программы.

Виктор Руднев, бывший офицер царской армии, придерживался совсем иных взглядов.

Он оказался в Гуляйполе после военных потрясений, оставивших его без прежней службы и определённого положения. Руднев был образован, умел держаться с достоинством и привык к армейской дисциплине. Он не был сторонником самодержавия во всём его прежнем виде, но считал, что общество не может существовать без определённых правил и ответственных руководителей.

К революционным собраниям он относился сдержанно. Его раздражали долгие споры, в которых каждый считал себя вправе перебивать другого, а принятые решения нередко оставались только на бумаге.

Однажды Руднев встретился с Махно после заседания местного общественного органа.

— Вы хотите, чтобы люди сами управляли своей жизнью, — заметил бывший офицер. — Допустим, это благородная цель. Но кто будет обеспечивать исполнение решений? Кто останавливает человека, который решит, что свобода даёт ему право делать всё, что угодно?

Махно посмотрел на него внимательно.

— Если человек нарушает свободу другого, он уже не защищает свободу. Он её отнимает.

— Согласен. Но кто определит, где проходит эта граница?

— Сами люди. Через общее решение, через организацию, через ответственность перед теми, с кем живёшь.

— А если люди не договорятся?

— Тогда придётся искать способ договориться. Но нельзя заранее объявлять, что без начальника они не способны ни на что.

Руднев слегка усмехнулся.

— Вы слишком доверяете людям.

— А вы слишком привыкли им не доверять, — ответил Махно.

Они расстались без ссоры. Каждый остался при своём мнении, но оба поняли, что разговор этот ещё не окончен.

Виктор Руднев был вымышленным персонажем, однако его сомнения отражали вполне реальные споры той эпохи. Для многих людей, особенно военных и государственных служащих, идея самоуправления казалась опасной не потому, что они обязательно желали возвращения самодержавия, а потому, что видели в распаде прежней системы угрозу самому существованию общества.

Махно же считал, что нельзя путать порядок с подчинением.

Летом 1917 года эти противоречия всё чаще выходили за пределы отдельных разговоров.

На губернском уровне проходили съезды крестьянских и советских представителей. Махно участвовал в работе крестьянских организаций и представлял интересы Гуляйполя и окрестных селений. Он видел, что местные требования становятся частью более широкого движения. Земельный вопрос волновал уже не одно местечко, а огромные пространства Украины и всей бывшей империи.

Однако между решениями центральных органов и ожиданиями крестьян оставалась пропасть.

Временное правительство откладывало окончательное решение земельного вопроса до Учредительного собрания. Крестьяне же не хотели ждать. Для них каждый новый месяц означал продолжение прежней зависимости и опасность того, что революционные обещания останутся обещаниями.

Махно всё больше склонялся к мысли, что крестьяне должны сами брать на себя решение земельных вопросов, не ожидая указаний из столицы.

В августе политическое положение резко обострилось. Страна переживала кризис, связанный с выступлением генерала Корнилова. Попытка военного переворота усилила страх перед возвращением старого порядка и вызвала новую волну революционной активности.

Для Гуляйполя это означало, что прежние споры о земле и местном самоуправлении приобретают ещё более острый характер.

Махно и его сторонники начали добиваться создания органов, способных защитить революционные завоевания. В их представлении такие органы должны были не становиться новой постоянной властью, а выполнять конкретные задачи, определённые собраниями трудящихся.

Но уже тогда возникала опасность, которую невозможно было не заметить: временные полномочия имеют привычку становиться постоянными, особенно когда их обладатели получают в свои руки оружие.

Именно в эти месяцы вопрос о земле перешёл от разговоров к практическим действиям.

Вокруг помещичьих имений составлялись описи имущества и земельных угодий. Обсуждалось, какие земли должны перейти в распоряжение трудящихся, как учитывать скот и инвентарь, каким образом распределять хозяйственные постройки и урожай. Вопросы собственности становились предметом напряжённых переговоров, а порой и открытого противостояния.

Махно участвовал в этих процессах и поддерживал перераспределение крупных владений. Однако его позиция не сводилась к простому желанию отнять имущество у одних и передать другим. Он стремился обосновать новый порядок коллективным решением местных трудящихся.

На практике это было гораздо сложнее.

Представим себе большое имение, в котором находились пахотные земли, конюшни, амбары, мастерские и хозяйственные постройки. В нём работали десятки людей. Одни жили при имении, другие приходили на сезонные работы, третьи арендовали участки. Кто должен был распоряжаться всем этим хозяйством после изменения отношений собственности? Следовало ли делить землю на отдельные участки или сохранять единое хозяйство? Как учитывать труд тех, кто годами вкладывал силы в развитие имения? Что делать с людьми, которые не желали участвовать в новом порядке?

На эти вопросы нельзя было ответить одной революционной декларацией.

В Гуляйполе постепенно складывалась система местных органов, в которой всё большую роль играли представители крестьянства и рабочих. Крестьянский союз был преобразован в Совет крестьянских и солдатских депутатов, а Махно получил возможность влиять на его работу уже в качестве председателя.

Он добивался того, чтобы местные решения опирались на поддержку большинства трудящихся, а не на распоряжения чиновников, назначенных извне.

Но чем больше становилось его влияние, тем чаще он сталкивался с противниками, которые видели в нём опасного конкурента.

Для одних Махно был человеком, который сумел выразить требования крестьян. Для других — радикалом, способным разрушить привычные отношения и поставить под угрозу собственность. Для третьих он оставался убеждённым анархистом, которому нельзя доверять управление общественными учреждениями.

Сам Махно, вероятно, ещё не до конца осознавал, насколько далеко заведёт его начавшаяся борьба.

Андрей Левченко тем временем всё чаще участвовал в собраниях. Он видел, как вчерашние батраки и бедняки начинают говорить с землевладельцами на равных, и это производило на него сильное впечатление. Но одновременно он замечал, что некоторые из новых активистов быстро привыкают к своему влиянию и начинают говорить с другими таким же тоном, каким прежде говорили помещичьи управляющие.

Однажды он сказал об этом Марии.

— Получается, что мы прогнали одних хозяев, чтобы появились другие?

Мария посмотрела на него с неожиданной серьёзностью.

— А ты думал, что достаточно убрать старую власть и человек сразу перестанет желать власти над другими?

Андрей задумался.

— Тогда зачем всё это?

— Затем, чтобы хотя бы попытаться жить иначе. Но попытка ещё не означает победу.

Эти слова он запомнил.

Вечером того же дня Семен Кравец собрал возле мастерской нескольких знакомых. Он был в хорошем настроении и решил развлечь товарищей новой частушкой, которую сам сочинил на ходу:

На собрании кричали:

«Будем жить без господ!»

А потом друг другу стали

Назначать, кто в бой пойдёт.

Все засмеялись. Кто-то попросил повторить, а один пожилой крестьянин заметил, что частушка, пожалуй, опаснее длинной речи, потому что её запоминают быстрее.

Семен раскланялся.

— Вот видите, граждане! Народная мысль уже пошла в массы. Осталось только выяснить, кто за неё будет отвечать!

Смех снова прокатился по двору.

Но за этим смехом уже угадывалось беспокойство. Люди начинали понимать, что революция не закончится одним удачным собранием и не принесёт всем одинакового счастья. Впереди были новые решения, новые конфликты и новые испытания.

Осенью 1917 года Гуляйполе уже не могло оставаться в стороне от событий, которые потрясали всю страну.

Махно укреплял влияние местных советских и крестьянских организаций, участвовал в борьбе за перераспределение земли и всё чаще сталкивался с вопросом о защите революции. Его политическая деятельность приобретала более определённые очертания, а вместе с ней росла и ответственность за людей, которые ему доверяли.

Он всё ещё говорил о свободе.

Но теперь эта свобода требовала не только убеждений, но и конкретных действий. А действия неизбежно сталкивали его с людьми, которые понимали справедливость по-своему.

В один из прохладных осенних вечеров Махно задержался в помещении, где проходило очередное заседание. Большинство участников уже разошлись. На столе остались бумаги, списки, протоколы и несколько неубранных стаканов. За окном шумел ветер.

Он посмотрел на документы и задумался.

Ещё недавно он был заключённым, чья жизнь зависела от решений тюремного начальства. Теперь он сам участвовал в принятии решений, от которых зависели судьбы других людей.

Разница была огромной. Но именно она заставляла его особенно внимательно относиться к вопросу о власти.

Можно ли организовать общество, не создавая над людьми новую систему принуждения? Можно ли защитить свободу, не превратив защитников в новых хозяев? И что делать, когда те, кто вчера требовал справедливости, сегодня начинают требовать послушания от остальных?

Ответов пока не было.

За окном темнела степь. Вдали слышались редкие голоса, стук колёс и лай собак. В Гуляйполе готовились к очередному дню, не подозревая, что совсем скоро события выйдут далеко за пределы местных собраний и земельных споров.

Надвигалась новая эпоха.

И вместе с ней приближалось время, когда слова о свободе придётся защищать не только на собраниях.

Глава седьмая. Когда рухнула столица

Осень 1917 года выдалась тревожной. В Гуляйполе уже привыкли к политическим собраниям, спорам о земле и рабочим требованиям, но теперь разговоры приобретали всё более резкий характер. Из больших городов приходили вести о столкновениях, смене правительств, вооружённых выступлениях и новых распоряжениях, которые нередко отменяли прежние ещё до того, как те успевали дойти до уездных учреждений.

Россия стремительно теряла привычные очертания.

На фронте продолжалось разложение армии. Солдаты покидали позиции, возвращались домой, требовали мира и отказывались подчиняться офицерам. Железные дороги работали с перебоями, снабжение городов ухудшалось, а в деревнях всё чаще возникали конфликты вокруг помещичьих владений. Временное правительство обещало созвать Учредительное собрание, но его авторитет таял с каждым новым кризисом.

Люди устали ждать.

В начале октября Андрей Левченко возвращался с поля, когда у сельской управы увидел группу крестьян, окруживших человека с газетой. Тот громко читал последние известия из

Петрограда. Слушатели перебивали его вопросами, требовали объяснить непонятные политические названия и спорили о том, кому теперь следует верить.

— Опять в столице что-то затеяли? — спросил Андрей.

— Да не просто затеяли, — ответил один из слушателей. — Говорят, большевики власть хотят брать.

— А кто такие большевики? — поинтересовался пожилой крестьянин.

— Да те, что обещают землю и мир.

— Землю? — переспросил старик. — Вот это я понимаю. Только пусть сначала покажут, где её взять и кому отдавать. А то обещать каждый умеет.

Андрей улыбнулся, но спорить не стал. Он уже понял, что для большинства людей названия политических партий значили гораздо меньше, чем обещание изменить их собственную жизнь.

Махно следил за происходящим внимательно. Он не был сторонником Временного правительства и не питал иллюзий относительно его способности решить земельный вопрос. Но и большевистская программа вызвала у него серьёзные сомнения. Он видел, что новая партия говорит от имени рабочих и крестьян, однако одновременно стремится установить собственную централизованную власть.

Для анархиста это противоречие было принципиальным.

Махно хотел, чтобы трудящиеся сами распоряжались своей жизнью, а не передавали это право очередному правительству, пусть даже называющему себя революционным. Но он также понимал, что политическая борьба не будет ждать, пока все участники договорятся о единой программе.

В октябре события в Петрограде развивались стремительно. Большевики, опираясь на Военно-революционный комитет, взяли под контроль важнейшие учреждения столицы и свергли Временное правительство. В ночь на 25 октября по старому стилю, или 7 ноября по новому, власть в столице перешла к Советам, возглавляемым большевиками.

В Гуляйполе известие об этом вызвало новые споры.

Одни приветствовали произошедшее, полагая, что наконец началось осуществление обещаний о земле и мире. Другие опасались, что вместо одного правительства появится другое, ещё более решительное в стремлении подчинить себе страну. Третьи вообще не понимали, почему судьба крестьян должна зависеть от того, кто победил в далёком Петрограде.

На очередном собрании Махно говорил о необходимости самостоятельной организации местных трудящихся. Он не призывал безоговорочно поддерживать большевиков, но и не собирался защищать прежнее правительство.

— Нас не должно интересовать, какое имя носит власть, если она собирается распоряжаться нами без нашего согласия, — примерно так формулировал он свою позицию в тех выступлениях. — Рабочий должен иметь право участвовать в управлении предприятием, крестьянин — распоряжаться землёй, а местное сообщество — решать собственные дела.

Точные слова этого разговора не сохранились; здесь передана художественная реконструкция взглядов Махно того времени.

После выступления один из молодых участников собрания спросил:

— А если новая власть действительно отдаст землю крестьянам?

— Тогда посмотрим, кто будет ею распоряжаться, — ответил Махно. — И не окажется ли так, что землю дадут сегодня, а завтра пришлют человека, который объяснит, как на ней работать и кому отдавать урожай.

В зале раздался смех, но вопрос остался.

Для многих крестьян большевистские обещания выглядели привлекательными. Они говорили о передаче земли трудящимся, о прекращении войны, о ликвидации прежних при-

вилегий. Махно не мог игнорировать настроение людей, но считал, что революция не должна превращаться в простую замену одних руководителей другими.

Его собственная политическая позиция становилась всё более самостоятельной.

В Гуляйполе усиливались местные советы и общественные организации. Махно участвовал в их работе, поддерживал инициативы по перераспределению помещичьих земель и созданию крестьянских объединений. Он добивался того, чтобы решения принимались на местах и чтобы люди могли контролировать тех, кому поручали исполнение своих решений.

Но спокойная жизнь уже уходила.

В ноябре политический кризис охватил Украину. После падения Временного правительства Украинская Центральная рада, находившаяся в Киеве, провозгласила Украинскую Народную Республику. Её руководители стремились создать собственные государственные учреждения и вооружённые силы. Большевики, в свою очередь, не собирались отказываться от влияния на украинских рабочих и солдат.

Так возникло новое противостояние, в котором переплетались вопросы национального самоопределения, социальной революции и государственной власти.

Для жителей Гуляйполя это означало, что теперь им предстояло разбираться не только с земельными спорами и местными помещиками. Над степью нависала опасность большой войны.

Махно относился к украинскому национальному движению неоднозначно. Он признавал право народа на собственную жизнь и развитие, но не считал создание нового государства решением социальных проблем. Для него национальная независимость сама по себе не гарантировала освобождения крестьянина от эксплуатации и рабочего от подчинения хозяину.

Он опасался, что государственная власть, построенная под национальными лозунгами, может оказаться столь же далёкой от простого народа, как и прежняя имперская администрация.

Однако в его окружении не было полного единства. Некоторые сторонники считали, что анархистам следует поддерживать любые силы, выступающие против старого порядка. Другие полагали, что сотрудничество с большевиками неизбежно приведёт к подчинению их политической воле. Третьи выступали за сохранение местной самостоятельности и отказ от участия в чужих конфликтах.

Андрей Левченко впервые услышал разговор о предстоящей войне не на собрании, а дома.

Его отец сидел возле печи и чинил старую упряжь. В углу тихо потрескивали дрова, а за окном ветер гонял по двору сухие листья.

— Говорят, опять война будет, — сказал отец, не поднимая головы.

— Уже идёт, — ответил Андрей.

— Я не про ту, что на фронте. Там наши люди друг в друга стреляют. А теперь, выходит, и здесь начнут.

Андрей помолчал.

— Если ничего не делать, к нам всё равно придут и станут распоряжаться.

Отец отложил ремень и посмотрел на сына.

— Вот ты всё говоришь: придут, распоряжаться будут. А если ты сам возьмёшься распоряжаться, чем будешь лучше тех, кто приходил раньше?

Вопрос прозвучал спокойно, без упрёка. Но Андрей не нашёлся с ответом.

Он вышел во двор и долго стоял возле сарая. Впервые ему показалось, что революция может потребовать от него не только смелости, но и такой ответственности, к которой он ещё не готов.

Мария Черненко всё чаще слышала в школе разговоры о политике. Дети приносили вести из семей, пересказывали споры родителей, иногда повторяли услышанные лозунги, не понимая их значения.

Однажды мальчик лет десяти заявил, что теперь никаких начальников не будет.

— А кто же будет следить, чтобы вы уроки делали? — спросила Мария.

— Мы сами!

— Прекрасно. Тогда начнём с сегодняшнего дня. Каждый отвечает за собственную работу.

Дети засмеялись, но после урока Мария задумалась. Ей нравилась сама идея самостоятельности, однако она понимала, что свобода требует воспитания, знаний и внутренней дисциплины. Нельзя просто объявить человека свободным и считать, что все проблемы исчезли.

Вечером она встретилась с Андреем. Они шли по улице, где уже рано сгущались сумерки.

— Ты собираешься участвовать во всём этом? — спросила она.

— А ты думаешь, можно остаться в стороне?

— Я думаю, что не всякая борьба делает человека свободным.

Андрей посмотрел на неё.

— А если не бороться?

— Тогда другие решат за тебя.

— Получается, выхода нет?

Мария улыбнулась, хотя в её глазах оставалась тревога.

— Выход есть всегда. Только его не всегда видно с той стороны, где стоят вооружённые люди.

В это время Семён Кравец занимался совсем не философскими вопросами. Его мастерская была переполнена повозками, которые требовали ремонта. Лошади нервничали, заказчики торопили, а несколько молодых людей настойчиво просили изготовить для них специальные крепления на телеги.

— Что за крепления? — спросил Семён.

— Для пулемёта.

Семен посмотрел на них, потом на телегу.

— А вы уверены, что сначала нужно устанавливать пулемёт, а потом думать, куда на этой телеге ехать?

— Время такое, Семён.

— Время, значит, такое. А колёса всё равно круглые, и ломаются они по-прежнему. Хотя ты их революционными назови, хоть царскими.

Молодые люди засмеялись.

Однако Семён уже понимал, что прежняя работа постепенно меняется. Всё чаще к нему обращались не за обычным ремонтом, а за приспособлениями для вооружённых отрядов. Военные приготовления переставали быть чем-то далёким.

Виктор Руднев наблюдал за этим с тревогой. Он считал, что страна движется к распаду, а вооружённые формирования, не подчинённые единому командованию, неизбежно превратятся в источник беспорядка.

Однажды он встретил Махно возле здания местного совета.

— Вы всё ещё надеетесь, что крестьяне смогут сами защитить свои интересы? — спросил он.

— А кто должен их защищать?

— Организованная армия.

— Чья армия?

Руднев нахмурился.

— Армия, которая подчиняется законной власти.

Махно усмехнулся.

— Мы только что наблюдали, как одна законная власть исчезла, не сумев удержать страну. Теперь нам предлагают другую. Выходит, законность зависит от того, кто сегодня сидит в столице?

— Без общего командования не бывает армии.

— А без свободы не бывает народа.

Руднев хотел возразить, но промолчал. Он видел, что спорить с Махно о принципах бессмысленно. Тот не собирался отказываться от своих убеждений даже перед лицом очевидных трудностей.

В декабре положение становилось всё более напряжённым. На Украине происходили столкновения между сторонниками Центральной рады и большевистскими силами. В разных городах возникали вооружённые формирования, солдатские комитеты, революционные штабы. Старые военные структуры разрушались, а новые ещё не успели приобрести устойчивость.

Махно всё яснее понимал, что Гуляйполе не сможет бесконечно оставаться в стороне.

В конце года он отправился в Александровск, где участвовал в революционных событиях и оказался вовлечён в работу местных органов власти. Там политические противоречия были ещё острее, чем в Гуляйполе. В городе сталкивались интересы рабочих, солдат, большевиков, анархистов и сторонников украинского национального движения.

Именно здесь Махно получил возможность увидеть, насколько сложным становится вопрос о власти, когда приходится не только провозглашать принципы, но и принимать решения в условиях вооружённого противостояния.

Ему поручали участвовать в рассмотрении дел задержанных офицеров и военнослужащих, которых подозревали в поддержке контрреволюционных сил. Для человека, который сам провёл годы в тюрьме, это было испытанием особого рода.

Когда-то он зависел от чужого решения. Теперь от его участия могло зависеть, останется ли другой человек за решёткой или выйдет на свободу.

Он не мог не помнить собственный опыт.

Но революция не давала времени на долгие размышления. Вокруг требовали решительных действий, а каждая задержка могла быть истолкована как слабость или предательство.

В Александровске Махно столкнулся и с тем, что вооружённая сила всё чаще становилась главным аргументом в политическом споре. Там, где раньше спорили словами, теперь всё чаще появлялись винтовки.

Для него это было тревожным знаком.

Он не считал вооружённую борьбу целью революции. Но понимал, что без способности защитить местные преобразования они могут быть уничтожены любой силой, располагающей оружием и дисциплинированными отрядами.

Так постепенно в его мировоззрении возникало противоречие, которому предстояло стать центральным во всей его дальнейшей судьбе.

Он хотел общества, в котором никто не господствует над другими. Но для защиты такого общества требовалась организация. Для организации — дисциплина. Для дисциплины — люди, готовые подчиняться общему решению. А для защиты от вооружённых противников — оружие и командование.

Где же заканчивалась необходимая организация и начиналась новая власть?

В конце декабря Махно вернулся к своим товарищам с новым пониманием происходящего. Политическая борьба уже не ограничивалась Гуляйполем. Впереди маячила война, и её участниками становились люди, которые ещё недавно не помышляли о военной службе.

Андрей Левченко тоже сделал свой выбор. Он согласился участвовать в местном вооружённом отряде, хотя ещё не знал, что именно ему предстоит пережить. Мария не одобряла его решения, но и не пыталась удержать силой.

— Только обещай мне одно, — сказала она перед его уходом. — Не превращайся в человека, который считает, что оружие даёт ему право решать всё.

— Я не собираюсь становиться хозяином чужой жизни.

— Все так говорят вначале.

Андрей хотел ответить, но не нашёл подходящих слов.

Семен Кравец продолжал работать в мастерской. Однако теперь возле его двора всё чаще останавливались люди с винтовками, а разговоры о пулемётах и боеприпасах становились привычными. Он ещё не знал, что вскоре его мастерство окажется востребовано совсем в другом деле.

Виктор Руднев наблюдал за приближением вооружённого столкновения и всё больше убеждался, что без строгой дисциплины страна не выстоит. Он уважал решительность Махно, но не разделял его веры в возможность общества без централизованной власти.

А над всей Украиной сгустились тучи.

Старые учреждения рушились, новые правительства спорили о границах и полномочиях, вооружённые отряды собирались в городах и селениях. Каждый провозглашал защиту народа, но далеко не каждый спрашивал сам народ, чего тот хочет.

Нестор Махно стоял перед новой дорогой.

Впереди были столкновения, отступления, союзы и предательства. Ему предстояло встретиться с людьми, которые станут его товарищами, противниками и временами смертельными врагами. Ему предстояло научиться командовать, хотя он всю жизнь выступал против господства человека над человеком.

И, возможно, именно в этом заключалась самая трудная загадка его судьбы.

Человек, мечтавший уничтожить власть, постепенно приближался к моменту, когда сам должен был взять в руки её оружие.

Глава восьмая. Степь под чужими сапогами

Зима 1918 года уходила тяжело. В Гуляйполе уже не верили, что революция сама собой принесёт спокойствие. Ещё недавно крестьяне спорили о земле, рабочие требовали справедливой оплаты, а представители различных политических течений пытались убедить друг друга, каким должен быть новый общественный порядок. Теперь всё чаще говорили о другом: о вооружённых отрядах, приближении чужих войск и необходимости защищать родные места.

Мир, заключённый большевиками с Германией и её союзниками в Брест-Литовске, изменил положение Украины. По условиям договора Советская Россия выходила из войны, а германские и австро-венгерские войска получали возможность войти на украинскую территорию. Украинская Центральная рада рассчитывала с их помощью укрепить свою власть и восстановить хозяйственную жизнь. Однако для многих крестьян появление иностранных солдат означало совсем не то, чего они ожидали от революции.

В степные селения возвращались прежние владельцы и управляющие. Там, где крестьяне уже начали распоряжаться землёй, возникала угроза восстановления старых порядков. Люди, успевшие поверить, что помещичья власть осталась в прошлом, теперь видели, как к их дворам приближаются вооружённые подразделения, способные заставить их подчиниться.

В Гуляйполе новости встречали настороженно.

— Значит, опять будут хозяева? — спросил однажды на собрании пожилой крестьянин.

— Не обязательно прежние, — ответил кто-то из присутствующих.

— А мне всё равно, как их зовут. Если придут и скажут, что я должен отдать землю, значит, хозяева прежние, только сапоги другие.

В зале засмеялись, но смех быстро стих.

Махно понимал, что столкновение становится неизбежным. Он не собирался спокойно наблюдать, как результаты революционных преобразований уничтожаются военной силой. В начале апреля он организовал вооружённый отряд, чтобы противостоять наступлению германских войск.

Это был ещё не тот знаменитый повстанческий отряд, который позднее будут связывать с именем Батьки Махно. Не существовало ни устойчивой армии, ни единого штаба, ни той системы мобильных подразделений, которая впоследствии прославит махновцев. Перед ним находилась небольшая группа людей, решивших сопротивляться превосходящему противнику.

Среди них были крестьяне, рабочие, бывшие солдаты и революционные активисты. Многие не имели серьёзной военной подготовки. Одни умели обращаться с винтовкой, другие знали только основы строевой службы, третьи впервые держали оружие в руках.

Но у всех было одно общее чувство: они не хотели возвращения прежних хозяев.

Андрей Левченко оказался среди тех, кто присоединился к отряду. Для него это уже не было продолжением политических собраний. Он понимал, что теперь каждое решение может иметь последствия, которые невозможно будет исправить новым голосованием.

Перед уходом он зашёл к Марии.

Она сидела у окна и разбирала школьные тетради. Услышав о его решении, отложила карандаш.

— Значит, всё-таки идёшь?

— Да.

— Ты знаешь, против кого?

— Против тех, кто придёт отнимать землю.

Мария некоторое время молчала.

— А если среди них окажутся люди, которые тоже считают себя защитниками народа?

Андрей пожал плечами.

— Тогда разберёмся.

— Вот этого я и боюсь. Когда люди начинают разбираться с оружием в руках, они часто уже не слышат друг друга.

Он подошёл к столу и осторожно коснулся её руки.

— Я вернусь.

Мария не стала просить его остаться. Она только посмотрела на него так, словно хотела запомнить каждую черту его лица.

— Возвращайся не только живым, Андрей. Постарайся вернуться человеком.

Он хотел улыбнуться, но не смог.

Вскоре вооружённые столкновения стали частью повседневной жизни. Однако сопротивление не могло долго удерживать наступление организованных германских и австро-венгерских частей. У них были регулярные подразделения, артиллерия, снабжение и опытные командиры. У местных отрядов — знание местности, решимость и поддержка части населения.

Этого было недостаточно для длительного противостояния.

Махно видел, что продолжать борьбу в прежнем виде бессмысленно. Если отряд будет уничтожен, его участники не смогут помочь ни Гуляйполю, ни другим селениям. Нужно было сохранить людей и найти способ продолжить борьбу в новых условиях.

Но отступление всегда даётся тяжелее, чем кажется со стороны. Люди, которые вчера шли рядом, сегодня могли оказаться в разных местах. Одни отказывались покидать родные дома, другие пытались укрыть семьи, третьи искали возможность перейти в безопасный район.

Семен Кравец оказался в особенно трудном положении. Его мастерская перестала работать в обычном режиме. Несколько повозок, которые он ремонтировал, были реквизированы

или брошены хозяевами. Лошади исчезали из дворов, а дороги заполнялись людьми, спасавшими имущество и близких.

— Вот тебе и новая жизнь, — ворчал он, осматривая сломанную телегу. — Только научились жить без старых начальников, как явились новые. И каждый норовит объяснить, куда ехать, что везти и кому кланяться.

Он попытался пошутить, но на этот раз никто не засмеялся.

В конце апреля положение стало особенно тяжёлым. В Гуляйполе и окрестностях усилились преследования революционных активистов. Люди исчезали, подвергались арестам, некоторые погибали. Весть о происходящем распространялась быстрее, чем официальные сообщения.

В это время Махно оказался перед выбором: оставаться на родной земле и рисковать попасть в руки оккупационных властей или временно покинуть Украину, чтобы сохранить возможность продолжить борьбу.

Он выбрал второе.

В конце апреля он распустил свой небольшой вооружённый отряд и отправился на встречу анархистов в Таганрог. Там собирались люди, которые пытались понять, как действовать после поражения революционных организаций на местах и установления новой власти при поддержке иностранных войск.

Таганрог стал одним из пунктов, где обсуждались судьбы анархистского движения на юге. Участники встречали друг друга с тревогой. Одни приехали из селений, занятых оккупационными войсками, другие спасались от преследований, третьи пытались восстановить связи между разрозненными группами.

Разговоры были тяжёлыми.

Некоторые настаивали на немедленном вооружённом сопротивлении. Другие считали, что сначала необходимо восстановить организационные связи и подготовить людей. Третьи говорили о необходимости искать союзников среди большевиков, хотя далеко не все анархисты были готовы доверять новой советской власти.

Махно внимательно слушал выступавших. Он понимал, что прежняя деятельность уже невозможна. Теперь речь шла не о том, как убедить крестьян поддержать революционные преобразования, а о том, как сохранить само движение в условиях военной оккупации.

Но в Таганроге не было единого ответа.

Среди участников встреч встречались люди, которые считали, что анархистская организация должна сохранять полную независимость от любых политических партий. Другие полагали, что без временного союза с большевиками невозможно противостоять германским войскам и поддерживаемому ими гетманскому режиму.

Махно не хотел становиться чьим-либо подчинённым. Но он также не собирался отказываться от практического сотрудничества, если оно могло помочь сопротивлению.

Вскоре он отправился дальше, в Советскую Россию.

Путь оказался непростым. Железные дороги были переполнены, на станциях царил неразбериха, документы проверяли, пассажиров задерживали. Махно приходилось соблюдать осторожность. Он уже знал, что за его деятельностью следят и что возвращение на родину может закончиться арестом.

В мае и июне он участвовал в анархистских встречах в Саратове и Москве. Там он познакомился с людьми, чьи имена ещё недавно знал преимущественно по книгам и политическим публикациям.

Особое значение имела встреча с Владимиром Лениным.

Разговор с руководителем большевиков стал для Махно возможностью лично сопоставить собственные убеждения с политикой новой власти. Ленин представлял революцию как переход к диктатуре пролетариата, которая должна была обеспечить победу над прежними

эксплуататорскими классами. Махно же не принимал идею новой централизованной власти, даже если она действовала от имени рабочих и крестьян.

В их взглядах существовало принципиальное расхождение.

Ленин исходил из необходимости сильной революционной государственной организации. Махно считал, что подобная система неизбежно ограничит самостоятельность трудящихся и со временем превратит их в исполнителей чужой воли.

Точный ход их разговора известен лишь по воспоминаниям и позднейшим пересказам, поэтому в романе не следует выдавать художественно восстановленные реплики за стенограмму. Важно другое: встреча не устранила противоречий между ними, а, напротив, позволила Махно яснее увидеть глубину идеологического расхождения.

Он мог признавать значение большевистской борьбы против старого режима, но не собирався отказываться от анархистских убеждений.

Москва тем временем жила напряжённой жизнью. На улицах встречались военные патрули, революционные комиссары, рабочие отряды и люди, которые ещё недавно принадлежали к совершенно разным общественным слоям. Город менялся стремительно, и каждый день приносил новые распоряжения.

Махно наблюдал за этим с интересом и настороженностью. Он видел, что новая власть уже создаёт собственный административный аппарат. Вчерашние революционеры становились чиновниками, получали полномочия и начинали распоряжаться учреждениями, предприятиями и людьми.

Его тревожило, что лозунги освобождения могут превратиться в оправдание нового подчинения.

Однако он не мог позволить себе оставаться только наблюдателем. Его земля находилась под оккупацией, товарищи подвергались преследованиям, а прежние организации были разгромлены или вынуждены уйти в подполье.

Нужно было возвращаться.

К концу июня Махно покинул Москву и направился обратно на Украину. В его распоряжении не было большой армии, а сам он находился в опасности. Возвращение требовало осторожности, изменения маршрутов и постоянной готовности к задержанию.

Он двигался через территории, где уже действовали германские и австро-венгерские подразделения, а также органы гетманской администрации. Старые революционные связи могли помочь ему, но могли и привести к аресту.

В начале июля он вновь оказался на родной земле.

Гуляйполе встретило его совсем не так, как годом раньше.

Вместо политических собраний и открытых разговоров о будущем здесь царили страх и подозрительность. Люди старались не говорить лишнего, незнакомцев встречали настороженно, а вести о задержаниях и расправах передавались почти шёпотом.

Махно узнал, что за время его отсутствия многие революционные активисты подверглись преследованиям. Некоторые были вынуждены скрываться, другие погибли или оказались в заключении. Среди пострадавших были и члены его семьи.

Особенно тяжёлым стало известие о гибели брата Омеляна, бывшего фронтовика, получившего инвалидность во время войны. Дом семьи также пострадал. Эти события были для Махно не отвлечённой политической статистикой, а личной трагедией.

Он вернулся туда, где когда-то надеялся построить свободную жизнь, и увидел, что теперь свободу придётся отстаивать в условиях, когда против него могут выступить вооружённые силы целого государства.

Воспоминания о Бутырках, годы каторги и пережитые унижения вновь обрели болезненную остроту. Но теперь он был не одиноким заключённым, зависевшим от решения тюремного начальства. У него оставались товарищи, связи и возможность действовать.

Вскоре Махно начал восстанавливать контакты с местными крестьянами и революционерами.

Он не пытался сразу собрать большую армию. Сначала необходимо было понять, кто сохранил верность прежним убеждениям, кто готов сопротивляться, какие силы действуют в окрестностях и где можно найти поддержку.

Важную роль в этом сыграли местные повстанческие группы. Они возникали в разных селениях, иногда самостоятельно, иногда под руководством бывших революционных активистов. Их объединяло недовольство оккупационным режимом, возвращением помещиков и действиями гетманской администрации.

Но у этих групп не было единого руководства. Они действовали разрозненно, нередко руководствовались личными мотивами, а некоторые использовали революционную обстановку для сведения старых счетов и обычного грабежа.

Махно понимал, что подобное движение может быстро потерять поддержку населения, если не сумеет отличить борьбу за освобождение от произвола вооружённых людей.

В этом заключалась одна из главных задач, стоявших перед ним: создать силу, которая будет способна бороться с оккупантами, но не превратится в обычную шайку, живущую за счёт крестьян.

Именно тогда началось его сближение с Фёдором Щусем.

Щусь был человеком совсем другого склада. Молодой, отчаянно смелый, резкий и самолюбивый, он обладал природной военной хваткой и пользовался авторитетом среди части повстанцев. За его плечами была служба на флоте, а затем участие в вооружённой борьбе на родной земле.

В отличие от Махно, прошедшего через долгие годы тюрьмы, Щусь формировался прежде всего в условиях военного времени. Он привык быстро принимать решения и не особенно доверял людям, которые предпочитали долго рассуждать.

Их знакомство было не просто встречей двух революционеров. Это было столкновение двух характеров, которым предстояло научиться действовать вместе.

Махно обладал политическим опытом, умением убеждать и организовывать людей. Щусь был смелым повстанческим командиром, способным действовать в условиях непосредственной опасности. Каждый из них понимал, что другому есть чему научить.

Вскоре их пути пересекутся ещё теснее.

Андрей Левченко тем временем вернулся в окрестности Гуляйполя. Он пережил первые столкновения, но увидел то, о чём Мария предупреждала его перед уходом. Некоторые вооружённые люди начали вести себя так, словно сама винтовка давала им право требовать от крестьян продовольствие, лошадей и деньги.

Однажды Андрей стал свидетелем того, как несколько вооружённых мужчин вошли во двор бедной семьи и потребовали отдать им лошадь. Хозяин пытался объяснить, что без неё не сможет обработать поле, но один из пришедших ударил его прикладом.

Андрей вмешался.

— Вы кого защищаете? — спросил он.

— Народ.

— А народ сейчас перед вами стоит и просит оставить ему лошадь.

Мужчина с винтовкой повернулся к нему.

— Ты что, против революции?

— Я против того, чтобы под её именем грабили бедных.

Спор мог закончиться плохо, но несколько присутствовавших крестьян поддержали Андрея. Вооружённые люди ушли, пообещав вернуться.

Этот случай заставил его задуматься. Он понял, что борьба против чужой власти ещё не означает, что все участники сопротивления будут вести себя справедливо.

Мария узнала о случившемся и впервые за долгое время почувствовала, что Андрей начинает понимать её опасения.

— Ты видишь теперь? — спросила она.

— Вижу.

— И что будешь делать?

— Найду тех, кто действительно защищает людей.

Она не стала отвечать. В её взгляде было одновременно облегчение и тревога: она знала, что такой выбор может привести Андрея ещё глубже в опасную борьбу.

Семен Кравец тоже не остался в стороне. Его мастерская постепенно превратилась в место, где собирались люди, которым требовалась помощь с повозками и упряжью. Он не хотел заниматься политикой, но понимал, что в условиях оккупации даже обычная работа может стать частью сопротивления.

Однажды к нему пришёл молодой крестьянин и попросил починить колесо.

— Куда едешь? — спросил Семен.

— В лес.

— В лес за грибами?

— За людьми.

Семен посмотрел на него и тяжело вздохнул.

— Вот ведь времена настали. Раньше человек шёл в лес за дровами, а теперь — за людьми. Ладно, подожди. Колесо починю. Только смотри, чтобы потом не пришлось чинить тебе голову.

Молодой человек рассмеялся.

Семен тоже улыбнулся, но после его ухода долго смотрел на дорогу. Он понимал, что прежняя жизнь закончилась. Вопрос заключался лишь в том, кто и каким образом будет строить новую.

Махно постепенно восстанавливал связи с крестьянами. Он встречался с людьми, обсуждал положение в селениях, искал надёжных товарищей и готовился к вооружённому выступлению.

Пока это была небольшая подпольная работа, не имевшая ещё масштаба будущего махновского движения. Но в ней уже проявлялись черты, которые впоследствии станут его отличительными особенностями: тесная связь с местным крестьянством, мобильность, опора на инициативу отдельных командиров и стремление соединить военную борьбу с идеей народного самоуправления.

Вечерами Махно иногда оставался один и вспоминал прошедшие месяцы.

Он покидал Гуляйполе человеком, который ещё надеялся, что революция сможет изменить жизнь без большой войны. Теперь он возвращался в край, где каждый день мог стать последним для кого-нибудь из его товарищей.

Впереди была борьба с гетманским режимом, оккупационными войсками и теми силами, которые стремились восстановить прежние отношения собственности.

Но самое трудное испытание заключалось не только в противостоянии внешнему врагу.

Махно предстояло доказать, что вооружённое движение может оставаться движением людей, а не превращаться в новую власть, которая потребует от них повиновения.

И эта проверка началась задолго до того, как его имя стало известным далеко за пределами родной степи.

Глава девятая. Рождение Батьки

К концу лета 1918 года степь уже привыкла к выстрелам.

Вчерашние крестьяне, рабочие и солдаты постепенно превращались в повстанцев. Они собирались небольшими группами, скрывались в лесах, совершали внезапные нападения на

полицейские посты, отбирали оружие у представителей оккупационной администрации и исчезали прежде, чем противник успевал организовать преследование.

У каждого отряда была своя история. Одни возникли после расправ над крестьянами, другие — вокруг бывших фронтовиков, третьи собирались под руководством людей, которые ещё недавно занимались совершенно мирными делами. Их объединяла ненависть к оккупационному режиму и стремление не допустить возвращения прежних землевладельцев.

Но единого движения пока не существовало.

В лесах и балках скрывались десятки небольших отрядов. Одни командиры признавали авторитет соседей, другие предпочитали действовать самостоятельно. Иногда повстанцы объединялись для общей операции, но после её завершения снова расходились. Не хватало оружия, боеприпасов, продовольствия и, главное, устойчивой организации.

Нестор Махно понимал, что без объединения этих сил сопротивление будет оставаться разрозненным. Каждый удачный налёт вызывал ответную карательную экспедицию, а каждый уничтоженный полицейский пост мог привести к расправе над жителями ближайших селений.

Он уже не был тем человеком, который год назад выступал перед крестьянами с трибуны местного собрания. Теперь ему приходилось думать о разведке, маршрутах, вооружении, дисциплине и сохранении людей. Политические убеждения оставались прежними, но обстоятельства заставляли искать способы их защиты.

Впрочем, не все повстанцы разделяли его взгляды.

Некоторые считали, что главное — мстить оккупантам и помещикам за совершённые преступления. Другие полагали, что следует прежде всего защищать собственные селения. Были и такие, кто видел в вооружённой борьбе возможность разбогатеть или свести старые счёты.

Махно понимал опасность подобного настроения. Если вооружённые люди начнут жить за счёт тех, кого объявляют своими защитниками, крестьяне отвернутся от них. Тогда никакие революционные лозунги не спасут движение от превращения в обычную вооружённую шайку.

В конце сентября судьба свела его с человеком, который мог стать не только союзником, но и серьёзным соперником.

Это был Фёдор Щусь.

Щусь происходил из крестьянской семьи и служил на флоте. Он обладал решительным характером, отличался личной храбростью и пользовался авторитетом среди повстанцев. Его отряд насчитывал около шестидесяти бойцов. Люди были вооружены, хотя их внешний вид и снаряжение оставались весьма пёстрыми: кто носил австрийскую форму, кто украинскую, кто обычную крестьянскую одежду.

Сам Щусь представлял собой примечательную фигуру. В нём сочетались отчаянная смелость, самолюбие и природная склонность к военной импровизации. Он не любил длинных совещаний и предпочитал действовать быстро. Его бойцы доверяли ему, потому что знали: командир не станет отправлять других туда, куда сам не готов пойти.

Махно уже встречался со Щусем раньше, но теперь обстоятельства требовали более серьёзного сотрудничества.

Отряд Махно прибыл в район Дибровки, где находились повстанцы Щуся. Сначала между двумя группами установились осторожные отношения. Каждый командир должен был понять, с кем имеет дело и насколько можно доверять новому союзнику.

В лесу, где стояли повстанческие лагеря, царила особая жизнь. Здесь не было казарменного порядка, но существовали собственные правила. Люди готовили пищу на кострах, чистили оружие, сушили одежду, обсуждали последние вести. Ночью выставлялись дозоры, а днём небольшие группы отправлялись за разведывательными сведениями.

Семен Кравец, оказавшийся в числе людей, помогавших повстанцам с повозками и ремонтом, быстро освоился в этой обстановке.

— Ну что, Семён, — спросил его один из бойцов, — нравится тебе наша вольная жизнь?

— Очень, — ответил он. — Особенно нравится, что начальника нет. Только почему-то каждый второй приходит ко мне и объясняет, что я должен делать.

— Так ведь по делу объясняют!

— А я и не спорю. Просто хочу понять, когда же наступит та самая свобода, при которой мне хотя бы дадут спокойно колесо починить.

Солдаты рассмеялись.

Семен был полезен не только как мастер. Он умел находить общий язык с людьми, разряжать напряжённую обстановку и замечать то, чего другие не замечали. Иногда его шутки раздражали суровых командиров, но даже они признавали, что без такого человека в лагере было бы значительно тоскливее.

Андрей Левченко тоже оказался среди повстанцев. Он уже успел понять, что вооружённое движение не состоит из одних героев. Здесь были люди разных характеров, убеждений и жизненного опыта. Одни пришли защищать семьи, другие — мстить, третьи искренне верили в анархистскую революцию. Некоторые просто не видели другого способа выжить.

Андрей старался держаться подальше от тех, кто слишком легко говорил о расправе.

Его отношение к происходящему всё больше определялось словами Марии: вернуться не только живым, но и человеком.

В конце сентября Махно и Щусь договорились объединить свои силы. Это было важное решение. Два отряда, каждый со своими привычками и командирскими традициями, должны были научиться действовать совместно.

Вскоре повстанцы собрались в Дибровке. Здесь обсуждалось дальнейшее сопротивление, положение в окрестных селениях и опасность, исходившая не только от оккупационных войск, но и от новых вооружённых сил, появлявшихся на юге.

Особенно тревожили сведения о Добровольческой армии, которая формировалась на юге России и постепенно превращалась в серьёзную военную силу. Белое движение выступало против большевиков, но его представители также не собирались признавать крестьянское самоуправление и революционное перераспределение земель.

Для Махно это означало, что впереди появится ещё один противник.

Он понимал: если повстанцы будут бороться только против германских и австро-венгерских войск, не думая о будущем, то после ухода оккупантов их землю могут попытаться подчинить новые хозяева.

На одном из собраний Махно говорил о необходимости продолжать борьбу против всех сил, которые намерены лишить трудящихся свободы и права распоряжаться результатами собственного труда.

Среди присутствовавших возник спор. Щусь и некоторые его бойцы считали, что прежде всего необходимо сохранить отряд и не подвергать людей неоправданному риску. Махно же полагал, что бесконечное укрытие в лесах не решит проблему. Повстанцы должны были показать крестьянам, что способны не только скрываться, но и действовать.

Вопрос заключался в том, когда и каким образом нанести удар.

В этот момент Махно особенно остро ощутил разницу между политическим убеждением и военным решением. Можно было бесконечно говорить о необходимости сопротивления, но ответственность за конкретный шаг ложилась на того, кто отдавал приказ.

А приказ мог привести к гибели людей.

В конце сентября 1918 года обстановка вокруг Дибровки резко осложнилась. Повстанцы оказались под угрозой окружения. По сведениям, поступавшим в лагерь, противник располагал значительно большими силами и вооружением.

Щусь считал, что следует избегать открытого столкновения. Его опасения были понятны: небольшой отряд, не имеющий достаточного количества оружия и боеприпасов, мог быть уничтожен превосходящими силами.

Махно придерживался другой точки зрения.

Он полагал, что отступление без попытки изменить положение приведёт к постепенному распаду движения. Люди потеряют уверенность, а противник получит возможность преследовать повстанцев поодиночке.

Между командирами возникло напряжение.

— Ты хочешь идти прямо на них? — спросил Щусь.

— Я хочу, чтобы мы перестали только отступать.

— А если нас там всех положат?

— Если мы будем сидеть в лесу и ждать, пока нас уничтожат по одному, результат будет тот же.

Щусь нахмурился.

— Легко говорить, когда не знаешь, сколько у них людей.

— Поэтому и надо знать, сколько у них людей, где они стоят и чего ожидают. А потом решать.

Разговор был непростым. Оба понимали, что речь идёт не о личном самолюбии, а о судьбе всего объединённого отряда.

Наконец Махно обратился к повстанцам и крестьянам, находившимся рядом. Он говорил о том, что люди не могут бесконечно ждать в лесах, пока противник расправляется с их семьями и возвращает прежних владельцев на землю. Он убеждал их, что сопротивление должно быть организованным и решительным.

Точные слова этого выступления не сохранились в виде достоверной стенограммы. Однако в воспоминаниях участников и позднейших исследованиях сохранилась сама суть происшедшего: Махно сумел убедить людей принять рискованное решение и выступить против превосходящего противника.

Тогда крестьяне Дибровки признали его своим Батькой.

— Отныне ты наш украинский Батька! — так передавали смысл обращения к нему в воспоминаниях. — Веди нас!

Это прозвище не было присвоено приказом, не появилось в результате официального назначения и не стало результатом решения какого-нибудь революционного комитета. Оно родилось из доверия людей, которые увидели в Махно человека, готового разделить с ними опасность.

Для него самого это имя означало не только признание, но и новую ответственность.

Батька — отец, защитник, человек, к которому обращаются не только за приказом, но и за справедливостью. В таком обращении было много народного чувства, но оно же создавало опасность. Человек, которого называют отцом, легко может привыкнуть к тому, что его слово становится последним.

Махно должен был помнить, что доверие народа не даёт права распоряжаться народом.

Ночью повстанцы подготовились к выступлению. Было решено действовать небольшими группами, используя знание местности и внезапность. Щусь получил свою задачу, Махно — свою. Каждый понимал, что в открытом столкновении противник обладает преимуществом.

В Дибровке и её окрестностях события развивались стремительно. Повстанцы пытались использовать внезапность, заходили с разных направлений, стремились нарушить расположение противника и не дать ему воспользоваться численным превосходством.

Подробности этого боя в источниках расходятся. Одни повествования описывают его как крупную победу над австро-венгерскими силами, другие исследователи ставят под сомнение масштаб столкновения и указывают, что противником повстанцев могли быть прежде всего

подразделения местной охраны и гетманской администрации. Поэтому в романе важно не превращать легенду в бесспорный военный отчёт.

Несомненным остаётся другое: повстанцы сумели сохранить себя, объединить силы и укрепить авторитет Махно. События в Дибровке стали символической границей между разрозненной партизанской борьбой и формированием более устойчивого движения.

После столкновения люди всё чаще обращались к нему именно как к Батьке.

Для Андрея это было неожиданно. Он видел перед собой человека, который ещё недавно выступал на собраниях, спорил о земле и убеждал крестьян в необходимости самоуправления. Теперь вокруг него собирались вооружённые люди, ожидавшие решений и приказов.

Андрей подошёл к нему вечером.

— Теперь тебя все называют Батькой.

Махно посмотрел на молодого повстанца.

— А ты как думаешь, почему?

— Потому что доверяют.

— Доверие — вещь хорошая. Только его легче потерять, чем заслужить.

— А если люди начнут требовать от тебя невозможного?

Махно не сразу ответил.

— Тогда придётся объяснять им, что невозможное не становится возможным оттого, что его громко потребовали.

Андрей улыбнулся.

— Значит, ты не собираешься становиться настоящим отцом для всех?

Махно посмотрел на него строго, но в глазах мелькнуло веселье.

— Мне бы со своими товарищами справиться.

Вскоре после событий в Дибровке положение вновь осложнилось. Оккупационные войска и подразделения местной охраны усилили давление на повстанцев. Против них направлялись карательные экспедиции, применялась артиллерия, а жители селений подвергались преследованиям за помощь партизанам.

Самым тяжёлым испытанием стало новое наступление на Дибровку. По сообщениям участников движения, артиллерийский обстрел и последовавшие за ним расправы привели к разрушениям и пожарам. Многие жители лишились домов. В ходе столкновений были ранены и сами командиры повстанцев, в том числе Махно и Щусь.

Победа, которую народная память связывала с рождением Батьки, не означала окончания борьбы. Напротив, теперь противник знал, что перед ним возникает организованная сила, и стремился уничтожить её прежде, чем она станет ещё опаснее.

Повстанцам пришлось отступать и менять места расположения. Но теперь это было уже не просто бегство небольшого отряда. У движения появлялась собственная история, имя и всё более широкая поддержка среди крестьян.

Семен Кравец, увидев последствия обстрела, долго молчал. Он стоял возле разрушенной хозяйственной постройки и смотрел на обугленные балки.

— Ну что, Семён? — спросил Андрей.

— Думаю, — ответил тот.

— О чём?

— О том, что человек строит дом годами, а сжечь его можно за один вечер. Вот только интересно, кто потом будет строить новый.

Он поднял с земли обломок деревянной балки.

— И ещё думаю, что у тех, кто всё это устраивает, совести, должно быть, совсем не осталось. Или они её тоже реквизировали.

Андрей невольно улыбнулся.

Но улыбка быстро исчезла. За спиной слышались голоса людей, потерявших жильё. Женщины собирали уцелевшие вещи, дети стояли возле взрослых, не понимая, почему их привычный мир вдруг превратился в груды обгоревшего дерева и камня.

Мария узнала о происходящем из рассказов людей, прибывавших в Гуляйполе. Она помогала пострадавшим, искала одежду для детей, собирала продукты и пыталась организовать временное обучение для тех ребят, чьи семьи вынуждены были покинуть дома.

Когда Андрей встретил её после очередного возвращения из леса, он долго не мог подобрать слов.

— Я видел, что они сделали, — сказал он наконец.

— Я тоже видела.

— Теперь я понимаю, почему люди берутся за оружие.

Мария посмотрела на него.

— Понимать причину — ещё не значит оправдывать всё, что делают с оружием.

— Я знаю.

Она взяла его за руку.

— Тогда не забывай этого, Андрей. Особенно когда тебе будет казаться, что ради победы можно всё.

В ноябре 1918 года положение в Украине вновь изменилось. Германская революция привела к падению монархии в Германии, а вместе с ней ослабла и оккупационная система, державшаяся на присутствии германских и австро-венгерских войск. Гетман Павел Скоропадский лишился главной внешней опоры. В стране усиливалось восстание против его режима, а войска Директории Украинской Народной Республики начали борьбу за власть.

Для махновцев это открывало новые возможности.

В ноябре повстанческие силы активизировали наступление в районе Гуляйполя. Отряды, действовавшие в окрестностях, постепенно объединялись, а Махно укреплял своё положение как один из наиболее влиятельных командиров крестьянского сопротивления.

Возвращение в Гуляйполе стало не просто военным успехом. Оно означало, что движение вновь получило возможность действовать на родной территории, где его поддерживала значительная часть населения.

Однако вместе с этим возникала новая проблема.

Крестьяне ожидали, что после изгнания оккупантов и гетманских представителей наступит долгожданный мир. Но в стране уже начиналась новая борьба. Директория стремилась установить собственную власть, большевики готовились вернуть контроль над Украиной, а белые силы на юге усиливали военное присутствие.

Махно не собирался признавать безусловную власть ни одной из этих сил.

Его движение постепенно приобретало собственное лицо. Оно опиралось на крестьянские массы, партизанские отряды и анархистские организации. В нём уже были командиры, разведчики, связные, люди, отвечавшие за снабжение и вооружение.

Пока ещё многое держалось на личном авторитете Махно и доверии к нему со стороны местных жителей. Но движение росло, а вместе с ним возрастала потребность в организации и дисциплине.

Однажды вечером, когда повстанцы собрались возле костра, Семен Кравец достал гармошку. Он долго настраивал её, проверял меха, затем сыграл несколько весёлых тактов.

— Ну что, братцы, — сказал он, — будем отмечать возвращение домой или сначала составим протокол о том, кто кому должен?

— Играй лучше! — крикнул кто-то.

Семен улыбнулся и начал знакомую мелодию. Вскоре несколько человек подхватили мотив песни «Любо, братцы, любо».

Пели негромко, нестройно, каждый по-своему. Кто-то знал один вариант, кто-то другой. У одних песня была связана с казачьей службой, у других — с дорогой, конями и солдатской долей. В ней слышалась и удаль, и грусть, и то особое чувство, которое возникает у людей, не знающих, вернутся ли они завтра туда, откуда сегодня уходят.

Андрей сидел рядом с Марией. Она пришла на короткое время, чтобы передать ему продукты и чистую одежду.

— Тебе нравится эта песня? — спросил он.

— Нравится.

— Почему?

Мария посмотрела на огонь.

— В ней есть что-то такое, чего не хватает нашим разговорам. Люди поют о своей судьбе, а не о том, как должна выглядеть правильная революция.

Андрей улыбнулся.

— А Семён говорит, что скоро напишет новую песню о свободе.

— Только пусть сначала научится не путать её с отсутствием начальника.

В этот момент Семен услышал их разговор.

— Граждане! — объявил он. — Прошу не вмешиваться в творческий процесс. Великие песни рождаются не по приказу, а по вдохновению. А если вдохновения не будет, напишем частушку.

Смех разнёсся над лагерем.

Махно сидел чуть в стороне и слушал. Он не всегда участвовал в подобных вечерах, но понимал, насколько важны для людей эти короткие минуты обычной жизни. Война отнимала у них слишком многое. Песня возвращала хотя бы на несколько минут ощущение того, что они остаются людьми, а не только бойцами.

Он смотрел на костёр и думал о том, что произошло за последние месяцы.

Ещё весной он был вынужден покинуть родные места. Летом вернулся почти безоружным, не имея ни армии, ни надёжной базы. Осенью объединил несколько повстанческих групп, получил народное прозвище Батька и стал одним из руководителей движения, которое уже нельзя было считать случайным скоплением вооружённых людей.

Но теперь начинался новый этап.

Махно всё чаще должен был принимать решения не только за себя. От его приказов зависели сотни людей, а вскоре их могли стать тысячи. Он мог требовать дисциплины, организовывать разведку, назначать командиров и определять направление военных действий.

Именно здесь возникала опасность, о которой он когда-то говорил на собраниях.

Свобода, которую приходится защищать силой, может незаметно превратиться в новую систему власти.

Ночью костёр постепенно погас. Люди разошлись по своим местам, дозорные заняли позиции, лошади тихо переступали в темноте.

Над степью стояло холодное небо. Ветер шевелил сухую траву, а где-то вдали слышался глухой звук колёс.

Нестор Махно поднялся и посмотрел в сторону Гуляйполя.

Он вернулся домой. Но дом уже не был прежним, и борьба за него только начиналась.

Теперь его называли Батькой.

Оставалось доказать, что это имя будет означать защиту народа, а не право распоряжаться им.

Глава десятая. Степь выбирает сторону

Ноябрь 1918 года пришёл в степь с холодными ветрами и тревожными новостями. Осень уже почти уступила место зиме, но земля всё ещё хранила тепло недавних дней. На дорогах

стояла непросохшая грязь, по балкам тянулись туманы, а над Гуляйполем всё чаще слышался глухой гул далёких выстрелов.

Война, казалось, никак не могла насытиться этой землёй.

Ещё недавно здесь распоряжались австро-венгерские и германские части, за спинами которых стояли местные помещики и сторонники гетманской власти. Теперь привычный порядок рушился. Из Германии приходили вести о революции, кайзер отрёкся от престола, а солдаты, прежде уверенно шагавшие по украинским дорогам, всё чаще думали не о победе, а о возвращении домой.

Вчерашние хозяева положения вдруг сами оказались в положении людей, которым следовало поскорее покинуть чужую землю.

Но уход иностранцев не означал, что наступил мир.

Наоборот, освобождавшееся пространство немедленно становилось предметом спора. Его хотели занять сторонники Директории, большевики, белые офицеры, местные атаманы, всевозможные вооружённые отряды. Каждый обещал крестьянину землю, порядок и справедливость. Каждый требовал, чтобы крестьянин признал именно его власть.

А крестьянин хотел прежде всего одного: чтобы его перестали грабить, чтобы не отбирали хлеб, чтобы не уводили лошадей и чтобы можно было спокойно засеять поле.

Впрочем, спокойная жизнь в те годы казалась почти неприличной мечтой.

Андрей Левченко стоял у ворот своего двора и наблюдал, как по дороге проезжает небольшая группа вооружённых всадников. На плечах у них висели винтовки, за поясами торчали револьверы. Лошади были усталые, некоторые всадники выглядели так, словно несколько дней не снимали сапог.

— Опять новые хозяева? — спросил он у Семёна Кравца, который возился возле телеги.

— Хозяева? — Семён поднял голову. — Не торопись, Андрей. Хозяева обычно приезжают с ключами от амбара. Эти пока только с винтовками. Значит, ещё не определились.

— А если определятся?

— Тогда нам придётся снова объяснять, что амбар принадлежит не тому, у кого громче голос, а тому, кто его наполнял.

Семён был неутомимым собеседником. Даже в самые тяжёлые дни он находил слова, способные заставить человека улыбнуться. Правда, его шутки не всегда нравились вооружённым людям. Особенно тем, кто привык считать себя начальством.

— Ты бы осторожнее разговаривал, — заметил Андрей.

— Я и разговариваю осторожно. Вот если бы я говорил всё, что думаю, тогда пришлось бы держать при себе не только язык, но и запасную голову.

Андрей невольно улыбнулся.

Из дома вышла Мария. На ней было тёмное пальто, а волосы были аккуратно убраны под платок. Она несла корзину с хлебом и небольшим куском сала.

— Опять стоите и обсуждаете судьбу мира? — спросила она.

— Нет, Мария Ивановна, — ответил Семён. — Мы обсуждаем судьбу амбара. Мир пока подождёт.

— Амбару, по крайней мере, известно, кто его строил, — сказала она. — А вот людям всё труднее понять, кто за что отвечает.

Семён посмотрел на неё с уважением.

— Вот потому я и говорю, что учительница — опасная профессия. Человек привык задавать вопросы, а потом ещё и требует ответов.

Мария поставила корзину на телегу.

— Я сегодня была у Черненко. Они получили известие от родственников из Александровска. Говорят, гетманская власть окончательно слабеет. Директория объявила о восстании против Скоропадского.

— Значит, будет ещё одна власть, — сказал Андрей.

— Значит, будет ещё одна борьба, — поправила Мария.

Она произнесла это спокойно, но в её голосе чувствовалась усталость. Ей всё меньше нравилось, что судьбы людей решаются где-то далеко, в штабах и кабинетах, а расплачиваться за решения приходится тем, кто не присутствовал ни на одном совещании.

В Гуляйполе возвращались повстанцы.

Не все приходили одновременно. Одни появлялись небольшими группами, другие прибывали верхом, третьи добирались пешком, прихватив с собой оружие и немногочисленные пожитки. Некоторые были ранены, некоторые выглядели измученными, но почти у всех в глазах читалось одно и то же: они пережили очередной круг войны и пока не собирались складывать оружие.

Встречали их по-разному. Кто-то радовался возвращению знакомых лиц, кто-то опасливо выглядывал из-за ворот. Люди помнили, что повстанцы выступали против помещиков и оккупационного режима, но помнили и другое: вооружённый человек, даже если он говорит о свободе, способен принести в дом страх.

В этом и заключалась одна из главных трудностей движения Махно. Ему предстояло не просто собрать людей с винтовками. Нужно было убедить крестьян, что новая сила не станет очередной властью, которая сначала обещает справедливость, а потом начинает распоряжаться чужой жизнью.

Махно понимал, что одного боевого успеха для этого недостаточно.

В местных собраниях всё чаще говорили о необходимости создать более устойчивую организацию. Разрозненные отряды могли наносить неожиданные удары, уходить от преследования, появляться там, где их не ждали. Но против многочисленных и хорошо организованных сил этого было мало. Нужны были командиры, связь между отрядами, снабжение, разведка, дисциплина и хотя бы общее понимание того, ради чего люди продолжали воевать.

И здесь начиналось противоречие.

Анархистская идея не признавала господства одного человека над всеми. Но вооружённая борьба требовала приказов, согласованности и подчинения в бою. Нельзя было каждый раз собирать общее собрание, когда противник уже приближался к деревне.

Махно всё чаще оказывался перед вопросом, который не давал простого ответа: как сохранить свободу внутри армии, где без дисциплины люди погибают?

Однажды вечером в помещении, где собрались командиры и представители местных организаций, разговор затянулся далеко за полночь. На столе лежала карта, рядом стояли керосиновая лампа и несколько кружек с остывшим чаем. Кто-то принёс хлеб, кто-то — сушёную рыбу. В комнате пахло дымом, мокрой одеждой и конским потом.

Фёдор Щусь, как всегда, держался свободно. Он был человеком ярким, резким, с заметной склонностью к эффектным жестам. Его появление в комнате обычно сопровождалось шумом, шуткой или каким-нибудь неожиданным замечанием.

— Если мы будем долго спорить, — сказал он, — нас успеют окружить ещё до того, как мы решим, кто должен отвечать за окружение.

Несколько человек рассмеялись.

Махно, сидевший у стола, поднял глаза.

— А если мы перестанем спорить, то очень скоро появится человек, который решит всё за остальных. И тогда зачем мы вообще начинали?

— В бою не до собраний, Батька, — заметил один из командиров.

— В бою — не до собраний. Но после боя нельзя забывать, ради чего мы воевали.

Он говорил негромко. Его голос не был особенно громким, но люди привыкли прислушиваться к нему.

— Отряд должен иметь командира. Это понятно. Но командир не становится владельцем людей. Он отвечает за них, а не приобретает право распоряжаться ими по своему желанию.

— А если кто-нибудь не выполнит приказ? — спросил другой.

— Тогда надо разбираться, почему не выполнил. Если приказ был необходим, а человек сознательно подверг опасности товарищей, это одно. Если же приказ был глупым, то виноват не тот, кто отказался идти на бессмысленную смерть.

Щусь усмехнулся:

— Хорошо сказано. Только попробуй объяснить это пулемёту, который уже начал стрелять.

— Пулемёту объяснять не надо, — ответил Махно. — Его надо заставить замолчать.

На этот раз рассмеялись почти все.

Но за шуткой скрывалась серьёзная задача. Движение росло, а вместе с ним росла опасность, что в его рядах появятся люди, которых привлекала не идея, а возможность безнаказанно командовать, грабить и вершить собственный суд.

Махно знал, что такие люди есть. И понимал, что одних речей недостаточно, чтобы удерживать их от произвола.

Андрей всё чаще видел повстанцев в городе и окрестностях. Он замечал, как менялись их лица. Среди них были убеждённые анархисты, крестьяне, потерявшие землю или хозяйство, бывшие солдаты, молодые люди, которых война научила обращаться с оружием раньше, чем они научились разбираться в политике.

Одни шли за Махно потому, что верили в свободу. Другие — потому, что ненавидели помещиков. Третьи хотели отомстить за погибших родственников. Были и такие, кто просто не представлял, куда ему идти после распада старой армии и крушения прежней жизни.

Всё это было правдой одновременно.

Однажды Андрей увидел, как двое повстанцев спорят возле колодца с пожилым крестьянином. Тот утверждал, что у него забрали лошадь без разрешения. Один из вооружённых людей отвечал, что лошадь нужна для военных нужд.

— А кто вам разрешил? — сердито спрашивал старик. — Вы сами себе разрешаете?

— Нам приказали.

— А мне кто прикажет пахать без лошади?

Андрей подошёл ближе.

— Что случилось?

Старик узнал его и сразу заговорил:

— Вот ты скажи! Разве это свобода, когда у человека последнее забирают?

Один из повстанцев повернулся к Андрею.

— Лошадь нужна отряду. У нас раненые, надо перевозить.

— Тогда почему не спросили хозяина? — ответил Андрей.

— Не было времени.

— А вернуть собираетесь?

— Когда сможем.

Старик горько усмехнулся.

— Когда сможете! У меня уже два сына не вернулись. Теперь ещё и лошадь должна ждать, пока вы сможете.

Разговор закончился не сразу. Андрей понимал, что военная необходимость может быть настоящей. Но он также понимал, что для старика разница между справедливым и несправед-

ливым отбором лошади была не отвлечённой философией. Это была разница между возможностью прокормить семью и голодом.

Позднее он рассказал об этом Марии.

— Ты думаешь, они вернут лошадь? — спросила она.

— Не знаю.

— А если не вернут?

— Тогда слова о свободе станут для этого человека пустым звуком.

Мария долго молчала.

— Вот чего я боюсь, Андрей. Не только победы белых или красных. Я боюсь, что люди привыкнут к насилию настолько, что перестанут замечать, когда сами начинают делать то, против чего восстали.

Он посмотрел на неё.

— Но ведь нельзя позволить помещикам вернуться.

— Нельзя. Но и нельзя считать, что всякий, кто выступает против помещика, автоматически становится справедливым.

Андрей не нашёлся с ответом.

Он впервые почувствовал, что война проверяет человека не только под огнём. Иногда гораздо труднее было решить, на чьей стороне правда, когда обе стороны держали в руках оружие.

В те же недели по украинской земле стремительно распространялась власть Директории.

После падения гетманского режима Симон Петлюра и его сторонники стремились восстановить Украинскую Народную Республику. В городах и селениях появлялись новые отряды, поднимались украинские флаги, распространялись воззвания. Людям обещали национальное возрождение, самостоятельное государство, собственную армию и прекращение чужого господства.

Для многих это было не пустыми словами. После нескольких лет революции, оккупации и распада старых порядков идея независимой Украины казалась надеждой на то, что страна наконец сможет распоряжаться собственной судьбой.

Но у Махно и его сторонников были другие представления о будущем.

Они не хотели менять одного хозяина на другого. Для них национальная государственность сама по себе ещё не означала освобождения крестьянина. Если новая власть начнёт отдавать приказы сверху, собирать налоги, требовать рекрутов и распоряжаться землёй, то чем она будет отличаться от прежней?

Вопрос был сложнее, чем казался на первый взгляд.

Украинское национальное движение было неоднородным. В нём существовали разные политические течения и взгляды на устройство будущего государства. Среди сторонников Директории были люди, искренне желавшие перемен, а не только стремившиеся занять освободившиеся кабинеты.

Махно не мог просто объявить всех национальных сторонников врагами. Но и согласиться на подчинение повстанческих отрядов правительству Директории он не собирался.

В один из дней в Гуляйполе прибыл посланник, связанный с украинскими военными формированиями. Его приняли без особой торжественности. Он был одет аккуратно, говорил уверенно и держался так, словно представлял власть, которая уже восстановила порядок на всей территории страны.

— Украинская армия нуждается в объединении сил, — заявил он. — Отряды должны подчиняться единому командованию. Иначе мы не сможем защитить республику.

Махно внимательно выслушал его.

— Защитить от кого?

— От большевиков, от белогвардейцев, от всех, кто угрожает независимости Украины.

— А от помещиков?

Посланник на мгновение замялся.

— Земельный вопрос будет решён законным путём.

— Мы уже слышали много обещаний о законном пути. Пока крестьянин ждёт закона, помещик возвращается за своей землёй.

— Без государства не будет порядка.

— А если государство станет отбирать у крестьянина то, что он сам добыл и обработал?

— Вы предлагаете каждому жить по собственному разумению?

— Я предлагаю людям самим решать вопросы своей жизни, а не ждать, пока за них всё решат в столице.

Посланник покачал головой.

— Так невозможно вести войну.

— Возможно, — ответил Махно. — Но и ваша война не должна превращаться в войну против тех, кого вы собираетесь защищать.

Разговор закончился без соглашения.

Когда посланник уехал, Щусь проводил его взглядом и сплюнул на землю.

— Красиво говорил. Почти убедил меня стать государственным человеком.

— Тебя? — удивился один из присутствующих. — Да ты же через неделю сбежишь из министерства.

— Через неделю? — возмутился Щусь. — Да я бы оттуда в первый же день сбежал. Там, наверное, даже лошади по пропускам ходят.

Махно не засмеялся.

— Не надо недооценивать их. У них есть люди, оружие, организация. И среди них немало тех, кто действительно верит в то, что делает.

— А мы, значит, не верим?

— Мы верим. Но одной веры мало. Надо ещё не потерять то, ради чего мы собрались.

Вечером Андрей встретил Виктора Руднева возле старой мельницы.

Бывший офицер выглядел усталым. За последнее время он заметно похудел, а на лице появились глубокие складки. Он по-прежнему держался прямо, но в его движениях уже не было прежней уверенности человека, привыкшего к казарменному порядку.

— Слышал о переговорах? — спросил Андрей.

— Слышал.

— Что думаешь?

Виктор некоторое время молчал.

— Думаю, что каждый из них хочет создать армию. И каждый уверен, что его армия спасёт страну.

— А ты?

— Я слишком долго служил в армии, чтобы верить в спасение одной только армией.

— Но без армии не защититься.

— Без армии иногда нельзя. Но армия не должна становиться смыслом существования страны.

Андрей улыбнулся:

— Мария сказала бы почти то же самое.

— Тогда, пожалуй, она умнее многих генералов.

Виктор достал папиросу, но не закурил. Он вертел её в пальцах, словно забыл, зачем достал.

— Знаешь, Андрей, я видел, как рушилась старая армия. Видел, как офицеры теряли погоны, солдаты бросали позиции, а вчерашние товарищи начинали стрелять друг в друга. Я думал, что после этого люди поймут цену порядка. Но теперь вижу: одни хотят вернуть прежний порядок, другие строят новый. И почти никто не спрашивает, нужен ли он самим людям.

— А ты почему остался с нами?

Виктор посмотрел в сторону тёмной степи.

— Потому что не хочу снова служить тем, кто считает народ материалом для своих планов. Но и не уверен, что здесь мы сумеем избежать той же ошибки.

— Значит, ты не веришь в нас?

— Я верю в отдельных людей. В тебя, например. В Марию. Даже в Семёна, хотя он способен заболтать целый полк. Но движение — не один человек. Оно меняется, когда становится большим.

Андрей задумался.

— Может быть, поэтому нам и нужно следить друг за другом.

— Именно. И прежде всего за теми, кто получает власть.

К зиме положение становилось всё более запутанным.

На дорогах появлялись новые вооружённые группы. В одних селениях признавали Директорию, в других сохраняли верность местным повстанческим организациям. Где-то крестьяне поддерживали большевиков, надеясь на землю и социальное равенство. Где-то опасались их продовольственных отрядов и принудительных реквизиций. В некоторых местах вчерашние союзники уже смотрели друг на друга через прицелы.

Большая политика входила в каждую деревню вместе с вооружёнными людьми.

Вместе с тем повстанческое движение Махно продолжало расти. Его поддержка была связана не только с анархистскими убеждениями, но и с конкретным крестьянским опытом: сопротивлением помещичьему землевладению, борьбой против оккупационного режима, стремлением сохранить местное самоуправление и защитить хозяйства от произвольных поборов.

Постепенно становилось ясно, что прежних небольших отрядов уже недостаточно. Требовалось организовать силы, наладить управление, определить обязанности командиров и способы взаимодействия между подразделениями.

В этой работе всё заметнее становилась роль людей, которые умели не только сражаться, но и организовывать других. В дальнейшем среди них окажутся командиры и штабные работники, чьи имена станут известны далеко за пределами Гуляйполя.

Но пока всё ещё держалось на людях, которые знали друг друга в лицо, помнили общие дороги и могли узнать товарища по голосу в темноте.

Однажды ночью Семён Кравец сидел у костра, перебирая струны своей старой гармошки. Вокруг расположились несколько повстанцев. Кто-то сушил портянки, кто-то чистил винтовку, двое спорили о том, какая власть хуже — та, которая забирает хлеб, или та, которая обещает его вернуть, но требует за это всю жизнь.

— Я вам скажу, — вмешался Семён, — самая плохая власть та, которая заставляет человека спорить о власти вместо того, чтобы спокойно ужинать.

— А если ужина нет? — спросил молодой боец.

— Тогда тем более. Голодный человек слишком серьёзно относится к политике. Ему кажется, что от правильного лозунга в котле появится каша.

Костёр засмеялся.

Семён тронул струны, и зазвучала негромкая мелодия. Несколько голосов подхватили знакомый мотив. Пели нестройно, иногда сбиваясь, но в этом было что-то настоящее. Люди на короткое время забывали, что завтра снова придётся садиться на коней, идти в разведку или встречать очередной вооружённый отряд.

Андрей сидел рядом с Виктором. Тот смотрел на огонь.

— Знаешь, что самое страшное? — тихо спросил бывший офицер.

— Что?

— Когда человек перестаёт замечать, что война продолжается. Он начинает считать её обычной жизнью.

Андрей посмотрел на повстанцев. Кто-то смеялся, кто-то рассказывал историю, кто-то дремал, прислонившись к телеге.

— А если она и есть теперь наша жизнь?

— Тогда нам придётся особенно внимательно следить за тем, чтобы она не стала нашей единственной жизнью.

Мария ждала Андрея дома. На столе стояла керосиновая лампа, рядом лежала раскрытая книга. Она не читала. Слушала, как ветер шевелит ставни.

— Ты поздно, — сказала она, когда Андрей вошёл.

— Засиделись у костра.

— Пели?

— Да.

— Что-нибудь весёлое?

— Не очень. Но Семён старался.

Мария улыбнулась и подвинула ему тарелку.

— Поешь. Я оставила тебе немного.

Андрей сел. Несколько минут они молчали. За окном завывал ветер, и где-то далеко, за домами, послышался одиночный выстрел.

— Мария, — произнёс он наконец, — как ты думаешь, когда-нибудь всё это закончится?

Она не сразу ответила.

— Закончится война, — сказала она. — Но не сразу закончится то, что она делает с людьми.

— Ты думаешь, мы изменимся?

— Мы уже меняемся. Вопрос в том, кем станем.

Андрей опустил голову.

— Иногда мне кажется, что мы воюем за то, чего сами ещё не умеем построить.

Мария подошла к нему и положила руку на плечо.

— Может быть, это и есть самая трудная часть борьбы. Сломать старое иногда легче, чем понять, каким должно быть новое.

Он накрыл её руку своей.

В эту ночь они долго говорили о будущем. О доме, в котором не будет страха перед чужими сапогами. О земле, которую не придётся защищать с винтовкой. О детях, которым не нужно будет учиться различать военные знамена прежде, чем они выучат буквы.

Но за окном продолжала шуметь степь. И в её темноте уже двигались новые отряды, новые командиры, новые армии.

Ноябрьская осень уходила, оставляя после себя не мир, а короткую передышку между столкновениями.

Махно ещё предстояло ответить на вопрос, который становился всё настойчивее: сможет ли движение, выступившее против власти, сохранить собственную свободу, когда ему самому придётся стать организованной военной силой?

И сможет ли человек, которого крестьяне называли Батькой, остаться для них защитником, а не превратиться в очередного хозяина?

Степь пока не знала ответа. Она только ждала следующей весны.

Глава одиннадцатая. Штаб для вольницы

К концу ноября 1918 года Гуляйполе уже трудно было узнать.

Ещё несколько месяцев назад жизнь здесь, несмотря на тревоги и вооружённые столкновения, сохраняла привычный деревенский уклад. Люди работали в поле, торговали на базаре, чинили телеги, спорили о цене зерна и надеялись, что очередная смена власти не затронет их хозяйства. Теперь же на улицах всё чаще встречались вооружённые люди, возле общественных зданий стояли караулы, а по дорогам двигались небольшие отряды, прибывавшие из соседних селений.

Война перестала быть чем-то далёким. Она поселилась в каждом дворе.

Уход германских и австро-венгерских войск оставил после себя не только опустевшие казармы и брошенные склады. Он оставил вакуум власти, который немедленно начали заполнять новые претенденты. Вчерашние сторонники гетмана прятались или пытались договориться с победителями. Одни крестьяне возвращались к своим полям, другие требовали расправы над теми, кто сотрудничал с оккупационной администрацией. В городах и местечках появлялись отряды Директории, а большевистские организации готовились расширять своё влияние.

И среди всего этого хаоса возвращался человек, которого в окрестных селениях уже называли Батькой.

27 ноября Махно вновь вошёл в Гуляйполе. Его возвращение не было похоже на торжественный въезд победителя. Не звучали оркестры, не выстраивались вдоль улиц праздничные колонны. Его встречали крестьяне, повстанцы, старые товарищи и люди, которые хотели понять, что теперь будет.

Он ехал верхом, рядом двигались несколько бойцов. На лице его лежала усталость, но взгляд оставался внимательным. Он замечал каждую мелочь: кто вышел к дороге, кто спрятался за воротами, кто приветствовал его открыто, а кто предпочитал наблюдать издали.

— Ну вот, — сказал Семён Кравец, стоявший возле телеги. — Батька вернулся.

— А ты сомневался? — спросил Андрей.

— Я вообще человек осторожный. Сначала сомневаюсь, потом проверяю, а уж после этого начинаю радоваться.

— И когда же ты собираешься радоваться?

— Когда война закончится. Хотя, признаться, подозреваю, что тогда начнётся какая-нибудь другая неприятность.

Андрей посмотрел на приближавшихся всадников.

— Главное, чтобы теперь здесь установился порядок.

Семён покачал головой.

— Ты всё ещё веришь, что порядок можно установить? У нас каждый второй хочет его установить, а каждый первый уже знает, как именно.

В этот момент Махно проехал мимо них. Семён снял шапку.

— Здоровья вам, Батька!

Махно узнал его и слегка улыбнулся.

— И тебе, Семён. Всё ещё жив?

— Пока да. Но, если так пойдёт дальше, придётся начинать вести учёт.

— Чего?

— Сколько раз меня пытались убить и сколько раз я отказывался.

Махно коротко рассмеялся.

— Береги себя. Нам ещё пригодятся люди, умеющие разговаривать.

— Тогда я, Батяка, незаменимый человек!

— Не зазнавайся.

И всадники двинулись дальше.

Возвращение в Гуляйполе означало начало нового этапа.

Махно уже понимал, что прежняя организация движения не отвечает требованиям времени. Небольшие партизанские группы могли действовать стремительно и неожиданно, но противник тоже учился. Вооружённые формирования Директории располагали собственными командирами, связью и снабжением. Красные постепенно восстанавливали военную организацию. Белые силы, ещё не достигшие решающего влияния в этом районе, тоже никуда не исчезли.

А повстанцы нередко действовали каждый сам по себе.

Один отряд мог вступить в бой, не зная, где находится соседний. Другой — потратить боеприпасы, которые были нужны на другом участке. Третий — уйти за добычей, оставив без защиты селение, которое обещал охранять.

Такая вольница могла быть смелой, но она не всегда была разумной.

Вскоре состоялось совещание командиров и представителей повстанческих групп. Собрались люди разных убеждений и характеров. Были здесь анархисты, крестьяне, бывшие солдаты, местные организаторы и те, кто ещё недавно руководил небольшими отрядами самообороны.

Разговор начался спокойно, но вскоре голоса стали громче.

— Каждый отряд должен сам решать, где ему действовать, — настаивал один из командиров. — Мы не собирались менять помещиков на новых начальников.

— А если два отряда одновременно займут одну дорогу? — спросил другой. — Или один уйдёт на помощь соседям, а второй в это время останется без патронов?

— Пусть договариваются.

— Договариваться можно, когда есть время. А если противник уже наступает?

Махно слушал, не вмешиваясь.

Наконец он поднялся.

— Товарищи, мы собрались не для того, чтобы выбирать между свободой и порядком. Если мы не научимся действовать сообща, нас перебьют поодиночке. А если создадим такую власть, которая будет командовать всеми без обсуждения, то сами станем похожи на тех, против кого поднялись.

Он обвёл взглядом присутствующих.

— Нам нужна общая организация, но не хозяин над всеми. Нужен штаб, который будет координировать действия отрядов, а не распоряжаться людьми как собственностью. Командиры должны отвечать за свои решения. И каждый боец должен понимать, за что он сражается.

— А кто будет решать, что делать штабу? — спросил кто-то.

— Мы сами. Через представителей отрядов, через общие собрания и обсуждение. Но когда начинается бой, командир обязан принимать решения быстро. Иначе никакая свобода нас не спасёт.

Эти слова не убедили всех. Некоторые считали, что создание постоянного штаба неизбежно приведёт к усилению власти отдельных командиров. Другие понимали, что без такой структуры движение не сможет выдержать столкновения с более организованными силами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.